

БѢГЛЫЕ ОЧЕРКИ.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго ¹⁾).

Il n'y a ni petits faits dans l'humanité,
ni petites feuilles dans la végétation.

V. Hugo. «Les Misérables».

I.

Было время, когда отъ исторіи не требовалось ничего болѣе, кромѣ вѣрнаго воспроизведенія событій и вѣрнаго изображенія дѣятельности вліявшихъ на событія личностей. Мы имѣемъ много исторій, въ которыхъ дѣеписатель ограничивался такою тѣсною рамкою. Неудовлетворительность подобныхъ исторій была наконецъ признана въ настоящемъ столѣтіи. Мы убѣдились, что дабы имѣть возможно ясное понятіе о данной эпохѣ, объ истинномъ значеніи событій, объ ихъ филиаціи и взаимной зависимости, о характерѣ главныхъ дѣятелей и, наконецъ, о состояніи обществъ въ нравственномъ и культурномъ отношеніяхъ, необходимо имѣть подъ рукою вспомогательные источники, гдѣ современниками записаны частности происходившаго предъ ихъ глазами движенія. Только при такихъ условіяхъ исторія перестаетъ быть безжизненною эфемеридой, скелетомъ, составленнымъ изъ нанизанныхъ сухихъ фактовъ, и описываемая эпоха воскресаетъ предъ нами съ движеніемъ и колоритомъ жизни. Такъ, даже изъ превосходныхъ сочиненій Тацита мы не уразумѣли-бы вполне древняго Рима,

¹⁾ Воспоминанія эти доставлены 3-го февраля 1880 г. сыномъ автора. Осипъ Антоновичъ Пржецлавскій род. 1799 г., умеръ 10-го декабря 1879 г. въ Твери. См. о немъ далѣе, на стр. 406 настоящей книги.

еслибы многого не объяснили поэзія Горація, Люкреція, Петронія, Овидія, сатиры Ювенала, эпиграммы Марціала. Во Франціи, вѣкъ короля-солнца (Roi-soleil), какъ лстецы называли Людовика XIV, судя по однѣмъ современнымъ исторіямъ, казался бы намъ истиннымъ, а не фиктивнымъ солнечнымъ сіяніемъ, а эпоха Людовика XV оставалась бы туманной картиной безъ мемуаровъ Сен-Симона, безъ дневника Башомонт'а, безъ писемъ маркизы де-Севинье. Отсюда важное значеніе для исторіи, какъ мы ее теперь понимаемъ, такихъ публикацій, какъ напримѣръ та, въ которой помѣщаемъ наши безпритязательные очерки и рассказы.

Народная жизнь въ данной странѣ естественно развѣтвляется на двѣ различныя жизни: сельскую и городскую, и хроники городовъ, особенно столицъ, составляютъ важнѣйшій отдѣлъ общей лѣтописи. Столицы—это центры управленія, законодательства, просвѣщенія, искусствъ, утонченностей общежитія, комфорта, роскоши,—центры, изъ которыхъ эти факторы прогресса расходятся лучеобразно по второстепеннымъ центрамъ и чрезъ нихъ достигаютъ окраинъ страны.

Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, нигдѣ какъ въ столицахъ нельзя удобнѣе слѣдить за успѣхами общаго прогресса ¹⁾. По вымогательствамъ же его, не только внѣшняя фізіономія большого города, но и подробности внутренняго состава городской жизни, медленно, для самихъ жителей незамѣтно, переходятъ различныя стадіи и въ каждый данный моментъ даютъ такой, а не иной итогъ общаго положенія.

Я прожилъ въ Петербургѣ цѣлыхъ двѣ срединныхъ четвертей настоящаго вѣка (1822—1872 гг.) и думаю, что воспроизведеніе моихъ впечатлѣній и замѣчаній изъ того періода составитъ не безъинтересную и не бесполезную страницу для хроники прошлаго этой столицы. Въ этомъ очеркѣ, не имѣющемъ конечно притязанія ни на полноту картины, ни на литературное достоинство,

¹⁾ Сопоставленіе этихъ словъ, потребовавшееся для ясности изложенія, показываетъ, что не во всѣхъ примѣненіяхъ успѣхъ, преуспѣяніе, могутъ съ точностью замѣнить иностраннй прогрессъ. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, нужно бы или отказаться отъ того, что я хотѣлъ выразить, или же сказать „за успѣхами общаго успѣха“. Впрочемъ, по строгому анализу, слово успѣхъ ближе соотвѣтствуетъ понятію удачи, (réussite, succès), чѣмъ понятію прогресса. Послѣдній не есть еще самый успѣхъ, а постепенное движеніе на пути къ успѣху.

я не намѣренъ стѣснять себя никакою системою, ни даже строгою хронологическою послѣдовательностью. Буду *sine ira et studio* рассказывать что мнѣ, по моимъ воспоминаніямъ, представляется выдающимся въ пережитыхъ событіяхъ и извѣстныхъ мнѣ личностяхъ, преимущественно съ анекдотическою, тѣхъ и другихъ, обстановкою. Изъ такихъ рассказовъ фізіономическія черты мѣста и времени выйдутъ наружу сами собою ¹⁾.

Тогда какъ Москва есть городъ существенно русскій, Петербургъ, напротивъ, отличается и отъ ней, и отъ большинства европейскихъ столицъ космополитическимъ составомъ своего населенія. Наглядный признакъ этого представляетъ главная улица, Невскій проспектъ; ее нѣкоторые называютъ „улицею вѣротерпимости“, и дѣйствительно, на ней только двѣ церкви господствующей религіи, а четыре иновѣрческія: кальвинская (голландская), лютеранская, римско-католическая и григоріанско-армянская. Въ Москвѣ иностранный элементъ поглощается туземнымъ; въ Петербургѣ каждая изъ чужеземныхъ народностей выдѣляется въ особыя группы, прикасающіяся къ сосѣднимъ замкнутыми очертаніями своихъ круговъ, но тѣ, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ и то не глубоко, заходятъ одни въ другіе. Такая пестрота состава естественно разнообразитъ воспроизводимую наблюдателемъ картину.

На впечатлѣніе, производимое подобными моему рассказами, вліяетъ знаніе личности самаго рассказчика. Поэтому, хотя въ моихъ писаніяхъ я стараюсь избѣгать эготизма, ограничивая его необходимостью, въ настоящемъ однакожъ случаѣ признаю нужнымъ сказать о себѣ нѣсколько словъ.

Я былъ очень молодъ, когда, окончивъ университетскій курсъ, пріѣхалъ въ половинѣ 1822 года въ Петербургъ изъ отдаленной Литовской провинціи, по важному для меня дѣлу, о которомъ рассказано въ другомъ мѣстѣ ²⁾. По исключительнымъ обстоятельствамъ, съ ранняго юношескаго возраста я былъ обреченъ на

¹⁾ Многое изъ моихъ петербургскихъ воспоминаній было уже напечатано, начиная съ 1872 года, сперва въ „Русскомъ Архивѣ“, подъ псевдонимомъ Ципринусъ, а затѣмъ въ „Русской Старинѣ“, подъ моимъ именемъ. Настоящая статья заключаетъ въ себѣ дополнительныя и новыя подробности, но какъ между ними и тѣмъ, что уже сказано, нерѣдко встрѣтятся естественная связь и даже солидарность, то въ такихъ случаяхъ, дабы не повторяться, прійдется сдѣлать необходимыя ссылки.

²⁾ «Русская Старина» изд. 1874 г., т. XI, стр. 690 и слѣд. О. II.

трудовую жизнь, не зная молодости. Въ 18 лѣтъ я былъ уже—не скажу разочарованнымъ,—потому что ничѣмъ и никогда очарованъ не былъ—а зрѣлымъ человекомъ, усвоившимъ себѣ, хотя и безсознательно, грустный девизъ: *nil admirari*. Это нужно было сказать для того, чтобы было извѣстно, что чуждый всякой иллюзіи, все, на что я смотрѣлъ, я видѣлъ не сквозь какую нибудь радужную призму, а въ нагой дѣйствительности, въ истинномъ свѣтѣ.

Петербургъ 1820-хъ годовъ, далеко не такой, какимъ онъ теперь, я довольно подробно описалъ въ приведенной уже статьѣ „Русской Старины“. Къ счастью, въ первые же дни по приѣздѣ я нашелъ прекраснаго чичероне въ моемъ университетскомъ товарищѣ и другѣ, пробывшемъ уже нѣсколько лѣтъ въ столицѣ и съ которымъ мы тотчасъ же устроились такъ, чтобы жить вмѣстѣ. Первое время было посвящено осмотру достопримѣчательностей города и окрестностей. Потомъ я сталъ посѣщать публичную бібліотеку, и воспользовался привезенными съ собой рекомендательными письмами, сдѣлавъ визиты сановникамъ, бывшимъ до того губернаторами въ Литвѣ и подружившимися тамъ съ моимъ отцомъ. Наконецъ, бывши франтъ-масономъ, я сблизился съ петербургскими членами этого ордена. Такимъ образомъ я, молодой провинціалъ, нашелся сразу въ средѣ того, что называютъ обществомъ. Года чрезъ полтора кругъ наблюденій расширился еще для меня вступленіемъ въ службу по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Я не стану описывать здѣсь внутренней фیزیоміи города, то есть самого общества. Классъ жителей, которому присвоено это названіе, представляетъ въ наше время повсюду почти одинаковыя черты, съ незначительными мѣстными оттѣнками. Въ Россіи, первоначально, въ XVIII вѣкѣ, для созданія европейскаго общества потребовались принудительныя мѣры, принимаемыя Петромъ I въ видѣ обязательныхъ „ассамблей“, имѣющихъ цѣлью сближеніе между собой единицы двухъ половъ, какъ будто чуждавшихся другъ друга. Но настала вѣкъ Екатерины и онъ вскорѣ посвятилъ петербуржцевъ, а за ними жителей и другихъ центровъ, въ обще-европейскіе приемы и утонченности городской жизни.

Что касается наружной фیزیоміи Петербурга, то общій ея видъ, какъ я ее засталъ, описанъ въ упомянутой статьѣ. Здѣсь,

прежде чѣмъ приступить къ болѣе серьезнымъ предметамъ разсказа, считаю не лишнимъ дополнить изображеніе этой фізіономіи нѣсколькими штрихами особенностей собственно мѣста и тогдашняго времени.

Въ другихъ большихъ городахъ есть не мало жителей, не имѣющихъ иной цѣли и занятія, какъ только проживать свои скромные доходы, наслаждаясь беззаботною уличною жизнію. Этихъ фланеровъ, особенно въ Парижѣ, такъ много, что они составляютъ необходимую принадлежность города и не обращаютъ на себя вниманія. Но Петербургъ—городъ по преимуществу дѣловой; на улицахъ вы видите какъ всѣ торопятся, какъ и пѣшкомъ, и въ экипажахъ спѣшатъ: кто по дѣлу, кто въ должность, на службу. Чистокровныхъ фланеровъ такъ немного, что тѣ, которые изрѣдка появляются, привлекаютъ на себя общее вниманіе и прозываются оригиналами, наравнѣ съ другими чудаками, отличающимися какою нибудь эксцентричностью.

Описаніемъ тѣхъ и другихъ оригиналовъ я начну мои петербургскія замѣтки.

II.

Съ самаго моего пріѣзда, прежде всѣхъ бросались въ глаза два странные субъекта каждый въ своемъ родѣ. Одинъ былъ маленькій, худенькій старичекъ, постоянно въ темно-коричневомъ гарнитурѣ. Онъ суетливо, почти бѣгомъ, шагаль по улицамъ, всегда, лѣтомъ и зимою, съ непокрытою головою и съ треуголкой подъ мышкой. Это былъ учитель-французъ. Онъ пріѣхалъ при императорѣ Павлѣ и разъ случилось ему проходить мимо Зимняго дворца; это было въ послѣдній разъ, что онъ имѣлъ шляпу на головѣ. Изъ дворца его увидали, догнали, не очень вѣжливо сбили шляпу, а самаго виноватаго отвели на гауптвахту. Когда оказалось, что онъ только что прибывшій иностранецъ, незнавшій тогдашнихъ порядковъ, то его выпустили; но испугъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ помѣшался на пунетѣ шляпы и никогда уже ее не надѣвалъ. Фамилію его я забылъ; сказывали, что онъ былъ прекрасный учитель и имѣлъ много уроковъ французскаго языка.

Другой чудакъ былъ нѣкто статскій совѣтникъ Брызгаловъ, бывшій при императорѣ Павлѣ кастелланомъ Михайловскаго замка. Костюмъ его составлялъ единственный, оставшійся отъ прошедшаго, экземпляръ. Это былъ красный, длиннополый мундирный фракъ, французскаго покроя, богато шитый золотомъ, бѣлый суконный жилетъ, бѣлые замшевые панталоны, огромные ботфорты со шпорами и треугольная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ. Въ такомъ нарядѣ Брызгаловъ во всякую погоду ходилъ всегда пѣшкомъ, ведя за руки двоихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку 8—9 лѣтъ, ковылявшихъ на ногахъ, страшно искривленныхъ такъ называемою англійскою болѣзнью ¹⁾. Группа эта была такъ комично-варикатурна, что проходившіе мимо останавливались со смѣхомъ, а Брызгаловъ сердился и бранился. Онъ искренно-ли, но вѣроятно—притворно, утверждалъ, что дожидается возвращенія императора Павла съ дальняго путешествія, и что тогда напоятся всѣ, которые считали его умершимъ. Сомнительно было сумашествіе Брызгалова, но не сомнительно то, что онъ былъ ростовщикъ и страстный ябедникъ.

Въ pendant къ этой странной фигурѣ былъ очень старый сенаторъ 1-го департамента. Онъ жилъ въ Большой Морской, въ своемъ домѣ, и въ хорошую погоду ходилъ въ сенатъ по адмиралтейскому бульвару, въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ. За нимъ, нога въ ногу, слѣдовалъ не менѣе старый лакей и везъ чучокъ. Однажды парадный нарядъ сенатора накливалъ на него непредвидимую невзгоду. Въ конюшнѣ конно-гвардейскаго полка держали козла; но разъ, за какую-то проказу, выгнали его вонъ, какъ разъ въ то время, когда Х. шелъ въ сенатъ. Разсерженный рогиносецъ побѣжалъ по бульвару и увидѣвъ тамъ красный мундиръ, накинулся на него и сенатора повалилъ раньше, чѣмъ маститый лакей успѣлъ предотвратить ударъ. Катастрофа не имѣла серьезныхъ для здоровья пострадавшаго послѣдствій. Произведено было строжайшее слѣдствіе—исходъ его мнѣ неизвѣстенъ.

Еще былъ старый генералъ, князь Волконскій, загадочная привычка котораго была всѣми замѣчаема. Каждое утро, ровно въ 11 часовъ, появлялась на Невскомъ проспектѣ коляска чет-

¹⁾ Англичане сильно протестуютъ противъ этого названія. Болѣзнь эта почти вовсе неизвѣстна въ Англіи. О. П.

верней съ фореиторомъ; въ ней сидѣлъ одинъ князь, всегда, какъ тотъ французъ, о которомъ было упомянуто, съ непокрытою головою. Поровнявшись съ Казанскимъ соборомъ, коляска поворачивала налѣво и, подѣхавъ подѣ колоннаду, которая выходитъ въ Мѣщанскую (теперь Казанскую) улицу, останавливалась подѣ колоннами. Тамъ генералъ выходилъ и на нѣкоторое время скрывался за экипажемъ. Проходящіе по улицѣ обходили колоннаду. Затѣмъ князь Волконскій садился опять въ коляску и уѣзжалъ обратно. Все это совершалось съ хронометрическою точностью.

Теперь отъ чудаковъ перейдемъ къ фланерамъ, собственно такъ называемымъ.

Въ движеніи на главныхъ улицахъ почти постоянно замѣчались двѣ фигуры изъ высшаго общества, но совершенно отъ него отставшія. Это были графъ Александръ Дмитріевичъ Хвостовъ и графъ Александръ Петровичъ Завадовскій. Оба принадлежали къ разряду тѣхъ „зашибенныхъ въ цвѣту“ потомковъ знатныхъ фамилій, задохшихся въ тяжелой атмосферѣ аракеевскаго гнета и своимъ діогеновскимъ поведеніемъ протестовавшихъ противъ этого режима. По происхожденію своему и образованію оба были предназначены къ блестящей карьерѣ, но предпочли ей независимое, своеобразное *dolce far niente*. Съ обоими я былъ довольно близко знакомъ. Бѣглый очеркъ перваго изъ нихъ помѣщенъ мною въ статьѣ объ А. С. Шишковѣ ¹⁾. Онъ умеръ въ 1875 или 1876 году холостымъ; съ его смертію прекратилась графская линія рода Хвостовыхъ. Теперь нѣсколько словъ о другомъ.

Графъ А. П. Завадовскій былъ сыномъ извѣстнаго любимца и министра императрицы Екатерины II. Завадовскіе — фамилія малороссійская и мой графъ Александръ заявлялъ претензію на польское дворянство, ссылаясь въ доказательство этого на свой гербъ „Равичъ“. Это, дѣйствительно, древній польскій гербъ, одинъ изъ тѣхъ, которыми пользуются нѣкоторые великороссійскіе и малороссійскіе дворянскіе роды.

Я съ нимъ познакомился, когда онъ не совсѣмъ еще было оставилъ общество. Это былъ умный и пріятный собесѣдникъ. Графъ Александръ воспитывался и первые годы молодости про-

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1875 года, іюль.

велъ въ Англіи. Онъ такъ усвоилъ себѣ тамошній языкъ, образъ мыслей и манеры, что его называли Завадовскимъ - англичаниномъ. За два или за три года до моего пріѣзда онъ, окончивъ воспитаніе, явился въ Петербургъ блестящимъ джентльменомъ, былъ представленъ императору Александру I, понравился и былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Все предвѣщало ему полный успѣхъ и въ свѣтѣ, и въ служебной карьерѣ; но первое время его пребыванія на родинѣ ознаменовалось трагическимъ эпизодомъ, который развилъ въ немъ врожденное расположеніе къ мизантропіи и пессимизму.

На горизонтѣ міра петербургскихъ театраловъ сіяла тогда звѣзда, воспѣтая и Пушкинымъ—танцорка Истомина. Она не была красавицею въ тѣсномъ смыслѣ, но обладала тѣмъ, что называютъ „пикантностью“ и что многіе предпочитаютъ правильной красотѣ; въ хореическомъ же искусствѣ уступала немногимъ европейскимъ знаменитостямъ. Этого было слишкомъ довольно, чтобы вскружать необремененныя мозгами головы тогдашней „золотой“ (вѣрнѣе позолоченной) молодежи, не избалованной еще парижскими кокетками. Въ числѣ ея поклонниковъ самымъ ревностнымъ былъ кавалергардскій офицеръ Шереметевъ. Онъ былъ влюбленъ такою страстью гимназиста ¹⁾, что при какомъ-то случаѣ поклялся честью, что если кто сдѣлается счастливымъ его соперникомъ, то долженъ будетъ имѣть съ нимъ смертельный поединокъ.

Завадовскій, не знавшій ни Истоминой, ни Шереметева, ни его клятвы, отправился однажды въ театръ, на балетъ, въ которомъ главную роль играла прославленная балладина. Она ему понравилась; въ антрактѣ, за кулисами, онъ съ ней познакомился и Истомина приняла приглашеніе отужинать съ нимъ въ тотъ же вечеръ въ его квартирѣ, въ домѣ, бывшемъ Чаплина, (на углу Невскаго проспекта и Большой Морской). Время въ бесѣдѣ съ Завадовскимъ прошло для Истоминой такъ незамѣтно, что она только на другой день возвратилась домой. Обо всемъ этомъ тотчасъ же узналъ Шереметевъ и счастливаго соперника вызвалъ на дуэль. Вотъ что мнѣ объ этомъ разсказалъ графъ Александръ Петровичъ: ему крайне было нежелательно только

¹⁾ *Amour de lycéen* (Balzac).

что по возвращеніи на родину дебютировать такимъ единоборствомъ, которое, по своему „casus belli“, не могло дѣлать чести ни побѣжденному, ни побѣдителю. О такомъ нежеланіи и о его мотивахъ онъ прямо заявилъ принесшему вызовъ секунданту, и прибавилъ, что даже готовъ просить прощенье за недобровольную вину. Но противникъ не хотѣлъ ничего слышать. Дѣлать было нечего и Завадовскій долженъ былъ съ своими секундантами явиться на назначенное мѣсто. Рѣшено было стрѣлаться, и Шереметевъ заявилъ, что дуэль смертельна. Устроенъ былъ барьеръ, заключающій десять шаговъ пространства; отъ него противники отступать каждый еще на десять шаговъ, потомъ, по данному знаку, подходя обратно къ барьеру, могутъ стрѣлать когда кому будетъ угодно. Шереметевъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, выстрѣлилъ и промахнулся, Завадовскій, въ пистолетномъ искусствѣ уступившій быть можетъ лишь знаменитому Россу ¹⁾), выстрѣлилъ такъ, что пуля прошла мимо. Затѣмъ предложилъ мировую. Была минута нерѣшительности; секунданты Шереметева вели съ нимъ въ пол-голоса оживленный разговоръ, къ нимъ Завадовскій подошелъ и своего секунданта, чтобы уговорить къ прекращенію нелѣпой борьбы, но Шереметевъ сказалъ, что по данному имъ честному слову это невозможно. Тогда уже Завадовскій, возмущенный такимъ упорствомъ, отходя на позицію, сказалъ: „беру всѣхъ въ свидѣтели, что я исчерпалъ всѣ средства къ примиренію; теперь же, къ крайнему прискорбію, я вынужденъ убить противника“. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ барьеру, Завадовскій прицѣлился, выстрѣлилъ и убилъ Шереметева на повалъ: пуля попала въ самый лобъ. Графъ рассказывалъ мнѣ, что противникъ, уговариваемый однимъ изъ своихъ секундантовъ, колебался и казалось не прочь былъ отъ примиренія, но другой секундантъ, А. С. Грибоѣдовъ, не допустилъ этого, настаивая на данномъ честномъ словѣ. (Когда чрезъ много послѣ этого лѣтъ случилась съ Грибоѣдовымъ катастрофа въ Тегеранѣ, Завадовскій замѣтилъ: „не есть ли это Божья кара за смерть Шереметева?“).

Непосредственно послѣ дуэли, побѣдитель, искренно грустя объ ея исходѣ, отправился на гауптвахту и велѣлъ себя аресто-

¹⁾ Капитанъ англійской службы Россѣ (Roos) убивалъ пулею изъ пистолета ласточекъ на лету, почти безъ промаха.

вать. Онъ тамъ оставался недолго. Императоръ Александръ I велѣлъ его позвать къ себѣ и сказалъ, что ему извѣстны подробности исторіи, что хотя онъ, государь, строго относится къ поединкамъ вообще, но въ настоящемъ случаѣ признаеть, что Завадовскій, не давъ повода къ вызову, сдѣлалъ все, что могъ для избѣжанія дуэли и затѣмъ нашелся въ „необходимости законной обороны“, почему и прощаетъ его вполне.

Вслѣдствіе какъ этого злополучнаго дебюта, такъ и по тогдашнимъ обстоятельствамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ усвоенными во время пребыванія въ Англіи воззрѣніями, Завадовскій въ службу не вступалъ и не бывалъ въ обществѣ, а тому и другому предпочелъ независимую, такъ сказать уличную, жизнь и знакомство, состоящее изъ очень тѣснаго кружка.

У него былъ старшій братъ, сенаторъ, Василій Петровичъ, женатый на дѣвицѣ Влодекъ, славившейся красотою. Братья не были между собою дружны и почти никогда не видались. По смерти брата, не оставившаго потомства, и по смерти матери, дожившей до глубокой старости, графъ Александръ, наслѣдовавъ значительное состояніе, переехалъ на постоянное жительство въ Таганрогъ, гдѣ въ 1850-хъ годахъ умеръ совершенно одинокимъ. На немъ прекратилась графская линія рода Завадовскихъ.

Къ разряду болѣе замѣтныхъ петербургскихъ фланеровъ слѣдуетъ причислить и одного знаменитаго иностранца. Это былъ мистеръ Рандольфъ, посланникъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Онъ въ первый разъ нашелся въ Европѣ, — все для него было ново. Вѣчно во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и ярко-зеленомъ жилетѣ, онъ рыскалъ пѣшкомъ по улицамъ, пречитывалъ надписи вывѣсокъ и разсматривалъ все со вниманіемъ. Извозчики, которыхъ онъ никогда не нанималъ и на инсинуаціи которыхъ не отвѣчалъ, всѣ его знали и прозвали „нѣмымъ баринкомъ“. Притомъ онъ былъ не послѣдней руки оригиналъ. Уполномоченный отъ своего правительства въ началѣ царствованія императора Николая, испросивъ аудіенцію для представленія своихъ вѣрительныхъ грамотъ, въ ожиданіи выхода государя, онъ спросилъ у министра иностранныхъ дѣлъ, каково для подобныхъ случаевъ существуетъ при російскомъ дворѣ этикетъ? Когда графъ Нессельроде объяснилъ ему, что въ Европѣ приняты повсюду обыкновенныя формы привѣтствія, то Рандольфъ

сказалъ: „а, понимаю“. По представленіи государю посланника, этотъ, не поклонившись, протянулъ руку. Императоръ, съ улыбкой, взялъ ее; тогда Рандольфъ, крѣпко пожавъ царскую руку, потрясъ ее нѣсколько разъ, какъ это дѣлаютъ американцы, желая выказать особенную дружбу. Графъ Нессельроде, послѣ аудіенціи, замѣтилъ ему это, на что дипломатъ изъ антиподовъ съ самодовольнымъ видомъ сказалъ: „да, я поступилъ согласно моей инструкціи; мнѣ предписано оказывать россійскому императору глубокое уваженіе и искреннюю къ нему симпатію Союза“.

III.

Министры финансовъ графъ Гурьевъ и Канкринъ. — Континентальная система. — Протекціонизмъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ еще министромъ финансовъ графа Гурьева. Онъ вообще не былъ любимъ, въ особенности за то, что интересы казны, въ столкновеніи съ интересами частныхъ лицъ, соблюдалъ слишкомъ строго и въ явный ущербъ справедливости. Самыя ясныя претензіи къ казнѣ испытывали несомнѣяемыя проволочки и оканчивались отказомъ. Не было почти примѣра, чтобы въ управленіе Гурьева кто-нибудь получилъ слѣдующее ему удовлетвореніе. Но это было лишь фиктивное приращеніе казеннаго достоянія и, какъ всякое неправдой приобрѣтенное добро, не шло въ прокъ. Несравненно болѣе, чѣмъ приобрѣтала такимъ образомъ, казна теряла отъ того, что по министерству финансовъ въ подвѣдомственныхъ частяхъ допускались вопіющія злоупотребленія. Взятничество, особенно по департаментамъ государственныхъ имуществъ, неокладныхъ сборовъ и внѣшней торговли (томоженномъ), достигло колоссальныхъ размѣровъ. Имперія была наводнена контрабандой. Мѣста въ таможенныхъ были самыя прибыльныя изъ мѣстъ государственной службы, не исключая провіантской и комиссаріатской того времени. Чиновники, не краснѣя, хвастали своими доходами; шампанское вино называлось таможеннымъ квасомъ. Тоже самое было по другимъ частямъ управленія: горной, соляной, лѣсной. Изъ питейнаго сбора можно сказать положительно, что одна треть, если не болѣе, расходилась по карманамъ чиновниковъ. По ре-

визской части, напрімѣръ, въ одной казенной палатѣ (Гродненской), для взысканія подушныхъ податей велись два списка народонаселенія: одинъ для самой палаты, гдѣ означено дѣйствительное число платящихъ подати, другой, почти въ половину меньшій, для казны. И это продолжалось болѣе десяти лѣтъ и кто знаетъ, не то-ли самое дѣлалось въ другихъ палатахъ? Въ Гродненской же мошенничество открылось по доносу одного канцелярскаго чиновника, недовольнаго за то, что къ празднику онъ не получилъ награды. Словомъ, казнокрадство, на подобіе морского чудовища головонога ¹⁾, заключивъ всю имперію въ свои кроваваго жадныя объятія, тысячами своихъ сосцовъ впивало въ себя государственные доходы. Но независимо отъ громаднаго вреда, наносимаго казнѣ, такое положеніе, такіе деморализаціонные примѣры обогащающаго безнаказанно мошенничества, имѣли очень вредное вліяніе на общественную мораль по тому закону, по которому зло имѣетъ свойство жирнаго пятна, свойство расплзаться во всѣ стороны. Общество свыкалось съ такимъ положеніемъ вещей, считало его нормальнымъ и думало, что иначе и быть не можетъ. Сдѣлались популярными аксіомы, что „все можно, только осторожно“, что хотя казенное „ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ“, но имъ безъ зазрѣнія совѣсти позволительно набивать себѣ карманы, потому что казна богата.

Наконецъ на мѣсто Гурьева назначенъ былъ министромъ финансовъ Канкринъ, генераль-интендантъ одной изъ армій. Это послѣдовало (чрезъ годъ, кажется, послѣ моего пріѣзда), въ самый праздникъ Пасхи, и для общества это былъ двойной праздникъ. Встрѣчавшіеся на улицахъ поздравляли себя такъ: „Христосъ воскресъ—Гурьевъ исчезъ“.

Егоръ Францовичъ Канкринъ началъ свою финансовую карьеру съ очень скромной должности въ конторѣ одного изъ петербургскихъ банкировъ. Какъ эти занятія, такъ впослѣдствіи интендантская служба, были подготовленіемъ къ будущему высокому посту. Канкринъ одаренъ былъ замѣчательнымъ умомъ и притомъ, не удовлетворяясь, какъ дѣлали многіе другіе, одними эмпирическими свѣдѣніями о ввѣренной ему части, изучалъ ее спеціально. Онъ безспорно нашелся на своемъ мѣстѣ и его завѣ-

¹⁾ Cephalopoda octopeda (Lin.), la Pieuvre (fr.).

диваніе, въ теченіе многихъ лѣтъ, финансами Россіи довело постепенно эту отрасль управленія до удовлетворительной степени устройства.

Новый министръ началъ съ очищенія своего вѣдомства отъ накопившихся осадковъ прежняго времени лихоимства и злоупотребленій. Удаленіе недостойныхъ чиновниковъ и нѣсколько примѣровъ строгаго наказанія показали служащимъ по министерству, что благое гурьевское время миновалось безвозвратно. Казенное управленіе питейнымъ сборомъ замѣнено отдаваемымъ съ публичныхъ торговъ откупомъ и весьма значительное увеличеніе вслѣдствіе этой мѣры казеннаго дохода наглядно обнаружило какія по этой части практиковались злоупотребленія. Таможенное вѣдомство было радикально преобразовано и служба въ немъ облагорожена такъ, что ее искали порядочные и честные люди, до того ей чуждавшіеся. Въ дѣлахъ частныхъ лицъ съ казною введена строгая справедливость. Словомъ, благодаря Канкрину, финансовое дѣло въ Россіи, обеспеченное по возможности отъ прежняго систематическаго грабежа, нашлось, по крайней мѣрѣ въ своемъ внутреннемъ механизмѣ, на пути къ постепенному преуспѣянію. Новый министръ, особенно послѣ царствовавшей до него неурядицы, оказалъ безспорно большія услуги.

Но..... а этихъ не было нѣсколько.

Мы, славяне, чрезвычайно склонны къ экзальтаціи, ни въ чемъ не знаемъ середины, смотря на все въ увеличительное стекло. Даже въ языкѣ у насъ для прилагательныхъ почти не существуетъ другой степени, кромѣ превосходной. Это и въ особяхъ, и въ цѣлыхъ народахъ—признакъ незрѣлости, и такое расположеніе имѣетъ всѣ хорошія качества и всѣ недостатки молодости. Такъ, напримеръ, было время, что тотъ, кто не благоговѣлъ предъ Канкринимъ, не признавалъ его первымъ финансистомъ въ мірѣ, рисковалъ быть провозглашеннымъ по крайней мѣрѣ за сумасшедшаго. Но, какъ сказалъ Авлій-Геллій: „*Veritas temporis filia*“, (истина дщерь времени). И теперь, когда у стараго Хроноса родилась уже эта прекрасная дочка, можемъ безбоязненно оцѣнять вещи какъ онѣ были.

Канкринъ имѣлъ важные недостатки; это были: упрямство, плодъ громаднaго самолюбія и увлеченія, основанныя на иллю-

зіяхъ и упорно отстаиваемыя, иногда вопреки очевидности ¹⁾. То и другое имѣло вредныя послѣдствія, повліявшія и на настоящее положеніе.

Отпускная торговля Россіи съ европейскими государствами всегда состояла, и теперь состоитъ, въ вывозѣ исключительно сырыхъ произведеній земли и сельской промышленности. Таковы зерновой хлѣбъ, лѣсъ, шерсть, ленъ, пенька, кожи, сало, желѣзо и т. п. Въ издѣліяхъ нашихъ фабрикъ и мануфактуръ Европа никогда не нуждалась,—онѣ не имѣютъ въ ней значенія и могутъ служить лишь для азіатской торговли. До вступленія Наполеона I на императорскій престолъ Франціи, такая торговля съ избыткомъ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ имперіи. Въ обмѣнъ за наши природныя богатства мы получали произведенія земель всего земного шара и доведенныя до совершенства издѣлія иностранной промышленности. Ничего лучшаго нельзя было и желать, тѣмъ болѣе, что при такомъ положеніи было въ Россіи много денегъ. Но въ 1810-хъ годахъ Наполеонъ, для нанесенія вреда интересамъ ненавистной ему Англіи, выдумалъ такъ называемую континентальную систему и, по непонятной теперь уступчивости правительства, навязалъ ее всѣмъ государствамъ европейскаго материка. Система состояла въ томъ, что всѣ порты были для англійскихъ кораблей закрыты и Англія не могла въ Европѣ ни купить, ни продать ничего. Она же съ своей стороны блокировала моря. Всякая навигація прекратилась и въ торговлѣ произошелъ всеобщій застой, такъ какъ при недостаткѣ не только желѣзныхъ, но и шоссейныхъ дорогъ, привозъ товаровъ изъ отдаленныхъ странъ, какъ-то изъ Франціи, Италіи, Голландіи, западной Германіи, въ Россію обходился такъ дорого, что отъ этихъ товаровъ пришлось совсѣмъ отказаться. Тогда во Франціи, въ замѣнъ тростниковаго сахара, химикъ Ашаръ (Achard) выдумалъ свекловичный сахаръ, и кто-то другой, вмѣсто кофе, ввелъ въ употребленіе земляные орѣшки, собираемые съ корней растенія *Cyperus tuberosus*. Средняя и восточная Россія, благодаря своимъ сухопутнымъ и водянымъ средствамъ сообщенія съ Азіей, кое-какъ переносила это положеніе, но оно было очень тягостнымъ

¹⁾ См. мою статью о князѣ Любецкомъ, «Русская Старина», изд. 1878 года, апрѣль.

для западныхъ и юго-западныхъ окраинъ имперіи. Единственнымъ почти доходомъ тамошнихъ землевладѣльцевъ были деньги, получаемые отъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ, купцовъ за сплавливаемые въ балтійскіе порты по Нѣману и западной Двинѣ мѣстные произведенія. Въ тѣхъ же портахъ закупались на цѣлый годъ запасы колоніальныхъ товаровъ, винъ и мануфактурныхъ издѣлій, такъ какъ въ краѣ никакихъ фабрикъ не было. Со введеніемъ континентальной системы эти операціи сразу прекратились, а съ ними и возможность пріобрѣтенія предметовъ не только роскоши, но и комфорта. По неволѣ пришлось сократить расходы и довольствоваться тѣмъ, что давала мѣстность. Я помню, какъ въ западныхъ губерніяхъ значительные помѣщики, даже магнаты, которые, издерживая много денегъ, могли бы продолжать жить по прежнему, дабы дать изъ себя примѣръ, согласились между собою строго ограничиваться мѣстными произведеніями и издѣліями. Мужчины, ихъ жены и дочери переодѣлись лѣтомъ въ платья изъ домашняго небѣленаго холста, а зимою изъ домашняго же сѣраго сукна. Это сдѣлалось всеобщою модою и носить болѣе дорогія твани почиталось дурнымъ тономъ. Съ такими туалетами на балахъ странный контрастъ составляли дамскія золотыя и брилліантовыя серьги, кольца, брошки, браслеты.

Когда вся Европа такъ томила подъ гнетомъ фантазій одного человѣка, Англія между тѣмъ, въ невозможности получать въ Европѣ, преимущественно изъ Россіи, необходимые сырые матеріалы, обратилась за ними въ другія части свѣта. Изъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады получала хлѣбъ и гѣсъ; для сала и шерсти развела въ своихъ колоніяхъ, главнѣйше въ Австраліи, огромныя стада быковъ и овецъ; въ замѣнъ русской веньки стала на большихъ пространствахъ разводить растеніе *Phormium tenax*, дающее волокно лучше коноплянаго и т. п.

Когда наконецъ кампаніи 1812 и двухъ послѣдовавшихъ годовъ освободили Европу отъ такого стѣсненія, то оказалось, что Англія можетъ обойтись безъ нашихъ произведеній и что одна лишь разница разстоянія могла бы побудить англійскихъ negociantovъ предпочитать наши порты американскимъ, чрезъ что возстановилось бы нарушенное континентальною системою равновѣсіе между привозною и отпускною торговлею Россіи. При томъ же извѣстно, что когда разъ торговля, покинувъ прежнее, при-

метъ новое направленіе, то уже весьма трудно возвратить ее на прежній путь.

Что же въ такомъ положеніи должно было дѣлать государство, дабы обезпечить жизненный интересъ своей отпускной торговли? Нужно было всѣми средствами стараться возстановить прежнія торговые отношенія и именно отношенія эти обусловить возможными удобствами и льготами.

Но сдѣлано было противоположное.

Не пришло еще, быть можетъ, время, чтобы мысль извѣстнаго англійскаго экономиста Кобдена могла быть безусловно осуществлена; она, какъ и многіе другіе геніальные pomysлы, дожидается своего времени. Принципу свободнаго обмѣна, свободной торговли (*free exchange, free trade*), онъ даетъ такое обширное примѣненіе, что полагаетъ и для привозной, и для отпускной торговли повсюду уничтожить таможенные тарифы и ввести всемірную безпошлинную торговлю. Тогда, говорятъ Кобденъ, установилось бы въ короткое время равновѣсіе между производительными силами природы съ производительными силами человѣческаго искусства и промышленности, иными словами: между экономическимъ значеніемъ сырыхъ матеріаловъ и значеніемъ плодовъ искусственной обработки этихъ матеріаловъ. Такимъ образомъ приведенъ былъ бы въ дѣйствіе и принялъ бы всеобщее международное значеніе одинъ изъ главныхъ принциповъ политической экономіи, принципъ „дѣленія труда“, (*division de travail*). Онъ состоялъ бы въ томъ, что каждая страна заботилась бы лишь о возможномъ улучшеніи и умноженіи того, что сама производитъ, при климатическихъ и другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Тогда страна, обладающая природными богатствами, не имѣла бы надобности въ заведеніи у себя фабрикъ, а въ замѣнъ за эти богатства получала бы все нужное изъ тѣхъ странъ, которыя въ недостатѣ сырыхъ матеріаловъ развили и усовершенствовали у себя мануфактурную промышленность. По такому взгляду Россія не задавалась бы мыслью соперничать съ Англіею, Франціею, Германіею въ производствѣ утонченныхъ издѣлій изъ шерсти, шелка, льна, бумаги, желѣза, а старалась бы лишь объ умноженіи количества и улучшеніи качества этихъ продуктовъ, довольствуясь у себя такими лишь фабричными произведеніями, которыя удовлетворяютъ потребностямъ низшихъ классовъ населенія и

торговли съ среднею Азіею и съ крайнимъ Востокомъ. Осуществленіе этой грандіозной мысли имѣло бы и то неоцѣненное достоинство, что повело бы по необходимости къ установленію всеобщаго мира, то есть къ такому результату, котораго не можетъ не желать всякій другъ человѣчества.

Такой взглядъ Кюбдена, высказанный имъ публично, въ бытность его въ одинъ изъ 1840-хъ годовъ въ Петербургѣ, диаметрально противился мнѣнію руссійскаго министра финансовъ того времени. Графъ Канкринъ поставилъ себѣ задачею одарить Россію всѣми фабриками, въ издѣліяхъ которыхъ могли нуждаться ея жители. Конечно, такое состояніе было бы желательнымъ, но въ самой уже теоріи оно оказывалось если не совсѣмъ несбыточнымъ, то въ высшей степени труднымъ къ осуществленію, требующему не мало времени и пожертвованій. И въ самомъ дѣлѣ, мѣры, принятыя для приведенія такого предположенія въ дѣйствіе, имѣли во всѣхъ отношеніяхъ вредныя послѣдствія.

Согласно съ своими видами, министръ въ русской мануфактурной промышленности примѣнилъ въ строгомъ смыслѣ протекціонистскую систему. Съ одной стороны учрежденіе фабрикъ поощрялось, преуспѣянію ихъ правительство способствовало всѣми отъ него зависящими мѣрами, а съ другой устранялась иностранная конкуренція. Привозъ изъ-за границы мануфактурныхъ товаровъ обложенъ былъ такою пошлиною, что относительно ихъ тарифъ былъ почти равнозначущимъ запрещенію. Притомъ, по настоянію Канкрина, противъ контрабанды постановлены были законы, неуступающіе въ строгости и драконовскимъ. Словомъ, для международныхъ торговыхъ отношеній Россіи къ Европѣ, возобновлялась отчасти злополучная континентальная система, отъ которой Россія навсегда, казалось, освободилась дорогою цѣною отечественной войны.

Изъ всего этого вышло въ практикѣ слѣдующее:

1) Отпускная торговля, преимущественно въ Англію, значительно уменьшилась. Причину этого пребывающіе въ Петербургѣ тамошніе купцы объясняли очень естественно. Во всѣ порты другихъ государствъ, имѣющихъ другіе тарифы, британскіе корабли приходятъ съ грузами своихъ товаровъ, которые продаютъ или вымѣниваютъ на мѣстныя произведенія. Такимъ образомъ оба рейса не только оплачиваются, но и приносятъ барыши. За рус-

скими же произведеніями, по невозможности сбыта англійскихъ товаровъ, корабли принуждены приходить съ балластомъ и съ наличными деньгами. Поэтому англійскіе негоціанты обращаются къ Россіи лишь въ случаяхъ крайпей необходимости. Это усложняется еще особыми обстоятельствами: въ русскомъ коммерческомъ мірѣ до сихъ поръ еще далеко не всѣми понята и усвоена та истина, что честность, добросовѣстность — это необходимое условіе прочнаго успѣха торговыхъ и промышленныхъ операцій. Коммерсантъ можетъ быть, если это ему нравится, негодеємъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но въ торговлѣ онъ долженъ рѣшительно отказаться отъ практикованія любимой надувательной системы.

Въ одинъ изъ 1820-хъ годовъ (кажется въ 1824 г.) великобританскій консулъ въ Петербургѣ предупредилъ кого слѣдовало, что купцы его отечества положили, по выполненіи существующихъ контрактовъ, не закупать болѣе на петербургской биржѣ пеньки и сала. Это произвело страшный переполохъ. По объясненіи съ консуломъ оказалось, что клейма, выставляемыя браковщиками на тюкахъ пеньки и на бочкахъ сала въ болѣе части случаевъ бывають невѣрны. Первый сортъ оказывается вторымъ или смѣсью перваго съ низшими сортами. Пошли трактаціи, продолжавшіяся немалое время, такъ что одна навигація была потеряна. Кончилось тѣмъ, что англичане согласились, наконецъ, возобновить контракты, но съ тѣмъ условіемъ, что будутъ имѣть на биржѣ своихъ сортировщиковъ и браковщиковъ и только ихъ клейма будутъ считаться обязательными.

Почти то же самое случилось съ китайцами, закупавшими изъ русскихъ фабрикъ большое количество простыхъ суконъ, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, и продававшими русскимъ купцамъ большія партіи чая. Въмѣсто денегъ китайцы принимали серебро въ дѣлѣ. Это шло хорошо въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ годовъ, а затѣмъ сукна стали оказываться дурно окрашенными и дырчавыми, а изъ серебряныхъ издѣлій, тѣ, у которыхъ есть дно, какъ вазы, чашки, кубки и т. п., имѣли настоящую пробу только на этомъ днѣ, остальное же было придѣлываемо изъ серебра низкой пробы. Противъ этого послѣдняго фокуса китайцы приняли предосторожности, за сукнами же обратились къ англичанамъ.

2) Русскіе фабриканты, существующею въ ихъ пользу монополіей обеспеченные въ сбытѣ своихъ фабрикатовъ, какіе бы они ни были, вовсе не заботились объ улучшеніяхъ, и издѣлія ихъ, годъ отъ году дѣлались хуже и хуже, какъ между тѣмъ,

3) Контрабанда на европейской границѣ, усиливаясь въ такой же прогрессіи, какъ и ухудшеніе фабрикатовъ, достигла размѣровъ гурьевскаго времени, хотя по другой причинѣ. Изъ сравнительной юридической статистики давно извѣстно, что строгость наказаній не уменьшаетъ числа преступленій. Въ настоящемъ же случаѣ строгость законовъ о контрабандѣ положительно способствовала къ увеличенію ея. Постановленные наказанія были такъ непостепенно и несоразмѣрно жестоки, что суды въ рѣдкихъ лишь случаяхъ рѣшались примѣнять ихъ. Совѣсть не позволяла приговаривать къ ссылкѣ въ Сибирь бѣднаго приграничнаго мужика за перенесенный тайно чрезъ прусскую или австрійскую границу кусокъ каленкору или нѣсколько аршинъ сукна. Поэтому всѣ почти контрабандисты, подъ разными предлогами, были признаваемы отъ суда свободными. Канкринъ созналъ и самъ свою ошибку и ходатайствовалъ о смягченіи таможенныхъ законовъ, но въ своей системѣ протекціонизма упорствовалъ до конца, хотя, какъ и теперь еще видимъ, она не была раціональна и не принесла тѣхъ плодовъ, для которыхъ была введена. Въ моей статьѣ о князѣ Любецкомъ, („Русская Старина“, изд. 1878 г., т. XXI, стр. 625—648), рассказана неудачная попытка Канкринна запретить привозъ въ Россію суконъ изъ Царства Польскаго. Только по его смерти вполне подтвердилось то, что выше сказано о вредности и нецѣлесообразности канкринской системы. Въ одинъ изъ 1850-хъ годовъ, по инициативѣ члена государственнаго совѣта Тенгоборскаго, вызваны были въ оный нѣсколько главнѣйшихъ фабрикантовъ. На сдѣланный упрекъ, что они не вводятъ у себя никакихъ усовершенствованій, они наивно отвѣчали, что въ этомъ нѣтъ для нихъ расчета, такъ какъ при отсутствіи всякой конкуренціи, они всегда увѣрены въ сбытѣ своихъ товаровъ. Тогда же принципъ безусловнаго протекціонизма подвергся значительнымъ измѣненіямъ.

Въ упомянутой уже статьѣ приведены подробности антагонизма съ Канкриннымъ князя Любецкаго, бывшаго министра финансовъ въ Царствѣ Польскаго, со времени назначенія его въ

1832 году членомъ государственнаго совѣта имперіи. Выказанные княземъ недостатки въ тогдашней финансовой системѣ и даже ариѳметическія ошибки въ отчетахъ, не мало способствовали къ разочарованію общества въ признаваемой до того непогрѣшимости графа Канкрина. Только по сравненію его управленія съ предшествовавшимъ нельзя было не признать оказанныхъ имъ важныхъ заслугъ.

Кромѣ введенныхъ Канкринымъ (выше упомянутыхъ) улучшеній нѣкоторыхъ частей министерства, онъ оставилъ хорошую по себѣ память основаніемъ институтъ лѣсного и технологическаго, а городъ Петербургъ обязанъ ему двумя важными улучшениями. По его почину превращены: пустырь, окружавшій Петропавловскую крѣпость, служившій пастбищемъ для городскихъ коровъ, въ прекрасный паркъ, подъ названіемъ Александровскаго, и дикій лѣсъ на Выборгской дорогѣ также въ паркъ и въ цѣлую колонію красивыхъ лѣтнихъ дачъ. Все это неоспоримыя заслуги, прочныя памятники управленія графа Егора Францовича.

Закончимъ этотъ очеркъ еще одною характеристическою чертою. Въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ покойный министръ былъ строго справедливъ. Онъ умѣлъ выбирать людей и хотя вообще покровительствовалъ нѣмцамъ, но въ выборѣ исполнителей своихъ предначертаній руководствовался лишь пользою службы, не увлекаясь ни лже-патріотическимъ пристрастіемъ, ни фамусовскимъ фаворитизмомъ, этой вреднѣйшею стихіею въ организмѣ государственнаго управленія.

IV.

Исакиевскій соборъ.—Александровская колонна.—Монферрантъ.

Монументальная церковь въ Петербургѣ, Исакиевскій соборъ, первоначально задуманная Петромъ Великимъ, строилась въ теченіе нѣсколькихъ слѣдовавшихъ одно за другимъ царствованій и только въ первой четверти Николаевской эпохи была окончена. Зданіе это подвергалось критикамъ спеціалистовъ; въ томъ числѣ строгій о немъ приговоръ былъ произнесенъ извѣстнымъ баварскимъ архитекторомъ Кленц'омъ, составляющимъ авторитетъ въ этомъ отношеніи. Художественные зоиы находятъ, что части

монуменга не вполне гармонируютъ съ цѣлымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то портики, съ возвышающимися надъ ними барельефами, слишкомъ грандіозны, тогда какъ другія, именно четыре малые куполы, окружающіе главный, слишкомъ мелки по отношенію къ высотѣ и объему зданія, и наконецъ, что фигура овоиды, изображаемая главнымъ куполомъ, рѣдко употребляется съ успѣхомъ въ зданіяхъ этого рода, и что болѣе изящные куполы строятся по очертаніямъ сѣченій шара и именно верхней его трети, и т. п. Хотя съ нѣкоторыми изъ этихъ замѣчаній и нельзя не согласиться, тѣмъ не менѣе Исакиевскій соборъ, по громадности размѣровъ и богатству матеріаловъ, останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ современнаго зодчества.

Отвѣтственность за недостатки пропорціональности естественно упадетъ на сочинителя плана и строителя, г. де Монферрана.

Европейскіе архитекторы, которымъ имя это было почти неизвѣстно, не скрывали своего удивленія, что ему было поручено такое важное, столько милліоновъ стоившее дѣло. Да и въ самомъ Петербургѣ онъ не пользовался популярностью. Всего, во время его пребыванія, возведено имъ четыре частныхъ дома: три, одинъ возлѣ другого, для покойнаго Павла Демидова, въ Большой Морской, четвертый на набережной Мойки, для самаго его, Монферрана. Два изъ демидовскихъ и послѣдній свидѣлствуютъ объ отсутствіи въ строившемъ всякаго художественнаго чувства, и одинъ изъ двухъ первыхъ можетъ даже назваться образцомъ безобразія.

Извѣстно, что работы по построенію собора производились подъ вѣдѣніемъ особой комисіи, составленной изъ нѣсколькихъ сановниковъ. Когда предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Василій Сергѣевичъ Ланской, то изъ министерства внутреннихъ дѣлъ я перешелъ на службу въ эту комисію и былъ причисленъ къ ея канцеляріи ¹⁾. За нѣсколько лѣтъ до окончанія собора предложено было, также подъ вѣдѣніемъ упомянутой комисіи, соорудить на площади, между Зимнимъ дворцемъ и аркою, выходящей на Большую Морскую, памятникъ императору Александру I.

¹⁾ См. мои Воспоминанія, „Русская Старина“, т. XI, изд. 1874 г., ноябрь. О. II.

Руководящею мыслию для формы этого монумента приняты были слова императрицы Елизаветы Алексѣевны изъ письма ея къ императрицѣ-матери, Маріи Ѳеодоровнѣ, доносящаго о кончинѣ Александра благословеннаго: „notre ange est au ciel“, и проч. Согласно съ этимъ положено на вершинѣ колонны, воздвигнутой на высокомъ цоколѣ, поставить статую, изображающую ангела, указывающаго на небо.

Исполненіе этого проэкта поручено было также строителю Исакиевскаго собора, де-Монферрану.

Изъ извѣстной финляндской каменеломни Питерлакскъ привезли въ Петербургъ, обдѣланный вчернѣ на мѣстѣ, огромный монолитъ розоваго гранита. Тутъ онъ былъ отполированъ, а между тѣмъ уставленъ вылитый изъ бронзы, съ надписями и барельефами, довольно высокій цоколь. Вокругъ его и въ уровень съ нимъ построена изъ кирпича и камня платформа, на которую колонна была поднята и положена; оставалось установить ее на базисѣ. Для этого устроено на платформѣ восемь кабестановъ, (воротовъ), съ крестообразными горизонтальными рычагами для двѣнадцати человекъ на кабестанъ. Вся колонна обмотана была канатами, концы ихъ прикрѣплены къ столбамъ кабестановъ, такъ что приводимые въ круговое движеніе, они должны были поднять монолитъ и поставить его на срединный пунктъ цоколя. Для вращенія кабестановъ, изъ полковъ гвардіи назначены были солдаты и унтеръ-офицеры, участвовавшіе въ отечественной войнѣ и имѣющіе медали 1812 года. Въ главѣ перваго кабестана долженъ былъ дѣйствовать великій князь Михаилъ Павловичъ.

На платформѣ разбиты были палатки для особъ царской фамиліи, высшаго духовенства, придворныхъ чиновъ, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, министровъ, иностранныхъ посланниковъ. Всѣмъ этимъ распоряжалась коммисія о построеніи Исакиевскаго собора, и при подниманіи колонны должна была присутствовать въ полномъ комплектѣ ¹⁾. Служащимъ при ней розданы

¹⁾ Почему я пишу комплектъ, а не комплектъ—объяснено уже въ другомъ мѣстѣ моихъ Воспоминаній. Это потому, что въ языкахъ, изъ которыхъ взято это слово, литеры к нѣтъ (completus—лат., complet—франц.).

были порученія для исполненія при обрядѣ. Я былъ назначенъ для пріема при входѣ членовъ государственнаго совѣта и для указанія имъ мѣста. Все это было приготовлено ко дню св. Александра, 30-го августа 1832 года.

Въ этотъ день, послѣ литургіи, отслуженной въ Александроневской лаврѣ, приглашенные стали съѣзжаться къ эстрадѣ въ парадныхъ мундирахъ. Императрица Александра Ѳеодоровна была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, въ бѣлыхъ башмакахъ, въ брилліантовой діадемѣ и въ орденской лентѣ. Великія княгини и княжны были также въ бальныхъ нарядахъ, императоръ Николай въ кавалергардскомъ мундирѣ. Англійскимъ посланникомъ былъ тогда лордъ Дургамъ (Dugham); онъ и жена его отличались вообще безцеремонностью, пренебреженіемъ этикета; въ настоящемъ же случаѣ они явили собою примѣръ крайняго неумѣнія жить (*du savoir vivre*), и обратили на себя вниманіе несообразностью своего костюма съ торжественностью обряда. Лордъ пріѣхалъ во фракѣ, безъ орденовъ, а леди Дургамъ въ черномъ утреннемъ капотѣ, въ ботинкахъ и черной шляпкѣ съ пѣтушьимъ перомъ ¹⁾.

Предъ началомъ дѣйствія машинъ всѣ на эстрадѣ были свидѣтелями еще одного эпизода. Теперь (1878 г.) лента ордена Бѣлаго Орла имѣетъ прекрасный темно-голубой цвѣтъ, первоначально же она была темно-синяя, для большаго различія отъ Андреевской. Но одинъ сенаторъ, графъ К., при этомъ орденѣ надѣлъ себѣ свѣтло-голубую ленту. Замѣтивъ это, государь подозвалъ графа къ себѣ и, взявъ его за руку, подвелъ къ великому князю Михаилу Павловичу, стоявшему уже при своемъ кабестанѣ, и сказалъ: „имѣю честь представить в. и. выс—ву сенатора графа К., кавалера ордена Бѣлаго Орла, а не св. Андрея“.

Въ исходѣ 2-го часа, по данному знаку, всѣ ворота одновременно пришли въ движеніе, канаты натяглись и исполинскій монолитъ, вѣсомъ въ 45,000 пудовъ, началъ величаво вставать съ своего лежачаго положенія. Все шло благополучно до поло-

¹⁾ Эта послѣдняя выходка графа Дургамъ была, кажется, причиной, что его вскорѣ потомъ отозвали изъ Петербурга. На его мѣсто присланъ былъ лордъ Стюартъ de Pomce (Stuart de Rothesaye). О. П.

вины подъема, то есть до того, какъ колонна стала на платформу подъ угломъ 45 градусовъ. Но тутъ вдругъ изъ всѣхъ кабестановъ бухнулъ сперва паръ, а потомъ и дымъ. Отъ тренія при такой страшной тяжести, и дерево кабестановъ, и навившіеся уже на нихъ канаты разогрѣлись до того, что были близки къ воспламенѣнію. Это была страшная минута всеобщей паники. Еслибы канаты перегорѣли и колонна съ высоты 45 градусовъ упала бы на платформу, то можно себѣ представить какое всѣ на ней находящіеся испытали бы сотрясеніе. Эту опасность легко было бы отворратить, если бы тутъ была вода. Но по непростительной оплошности архитектора, ее не было припасено; за ней побѣжали къ Невѣ. Движеніе было остановлено, но кабестаны продолжали дымиться. Ихъ наконецъ полили водой и тогда можно было продолжать работу. Колонна, дойдя до вертикальнаго положенія, повисла нѣсколько секундъ на воздухѣ, затѣмъ опустилась и стала на центральномъ пунктѣ своего базиса, на которомъ должна простоять вѣка, передавая отдаленнѣйшему потомству славную память великаго монарха.

V.

Ханъ Карабагскій.—Шамхалъ Тарковскій.—Хозревъ-мирза.

Посреди смѣси народностей, составляющихъ населеніе Петербурга, являются не рѣдко личности изъ близкаго и дальняго востока. Не говоря о послѣднихъ (китайцахъ, японцахъ), остающихся вообще въ тѣни, объ армянахъ и грузинцахъ, составляющихъ отдѣльныя группы, изъ которыхъ немногіе выдѣляются и состоятъ въ государственной службѣ, нѣкоторые изъ первыхъ, знатныхъ по своему положенію въ родной сторонѣ, выдаются болѣе другихъ и приобрѣтаютъ право гражданства въ обществѣ.

Прибывъ въ 1822 году въ Петербургъ, я засталъ уже поселившагося тамъ хана Карабагскаго. Онъ продалъ свои кавказскія владѣнія русскому правительству за пожизненную пенсію, кажется въ 60,000 руб. ассигнаціями. Онъ былъ почти совершенно обрусѣвшій, имѣлъ хорошія манеры, бывалъ во многихъ домахъ,

гдѣ я съ нимъ познакомился. Всѣмъ даже извѣстна была его связь съ одной дамой изъ общества. Это былъ красивый, высокаго роста мужчина; носилъ свой національный костюмъ съ неизбѣжной бараньей шапкой, а на шеѣ у него, на голубой лентѣ, красовалась пожалованная государемъ большая золотая медаль, окруженная крупными брилліантами.

Ханъ жилъ въ большой квартирѣ, въ домѣ Какурина, на углу Вознесенскаго проспекта и Большой Садовой. По четвергамъ онъ давалъ тамъ вечера, на которыхъ бывали иногда и дамы, но чаще всего это бывали игорныя вечеринки, на которыхъ записные шулера безсовѣстно обыгрывали въ банкъ и въ шtosъ хозяина, охотника до азартныхъ игръ. Я бывалъ на этихъ собраніяхъ, и зная этихъ артистовъ, не игралъ и даже предостерегалъ хана; но онъ меня не слушалъ; страсть брала верхъ надъ разсудкомъ и весь его доходъ переходилъ въ карманы искусниковъ.

Послѣ хана, переѣхавшаго въ началѣ 1820-хъ годовъ въ другой домъ, въ бывшей его квартирѣ жила г-жа И**. Это былъ большой обширный локаль, въ старинномъ вкусѣ. Въ числѣ комнатъ, первая—гостиная, полузруглая о пяти окнахъ, составляла уголъ упомянутыхъ улицъ. Въ простѣнкахъ между окнами вѣшаны были высокія, узкія зеркала. Послѣ г-жи И** я, въ 1840-хъ годахъ, занялъ съ семействомъ эту квартиру; во время же пребыванія въ ней г-жи И** случилось съ нею нѣчто такое, что могло бы показаться фантастическою легендою, еслибы не было удостовѣрено фактами, сдѣлавшимися извѣстными всему Петербургу.

У мадамъ И** былъ сынъ, воспитывавшійся въ морскомъ корпусѣ. По праздникамъ онъ бывалъ у матери. Въ одну субботу г-жа И** возвратилась домой поздно изъ какого-то вечера. Ее встрѣтила и провожала въ спальню горничная, со свѣчею. Проходя чрезъ гостиную, въ одномъ изъ зеркалъ г-жа И** и горничная увидѣли страшное явленіе. Это былъ молодой гардемаринъ И** въ цѣпяхъ и въ арестантской одеждѣ. Ожидавшая его на другой день къ себѣ мать страшно испугалась и чуя что-то недоброе, случившееся съ ея сыномъ въ корпусѣ, послала тотчасъ туда стараго довѣреннаго слугу узнать что могло случиться. Служитель возвратясь, увѣрилъ встревоженную мать, что въ корпусѣ все

благополучно, что всѣ воспитанники спятъ, а въ томъ числѣ и молодой И**.

На другой день онъ, по обыкновенію, явился къ матери, и его присутствіе разсѣяло всѣ ея ночные страхи. Г-жа И** рассказала сыну и всѣмъ близкимъ о своемъ видѣніи, и тѣ не пресмынули надъ нимъ посмѣяться. Прошло нѣкоторое время,—гардемаринъ вышелъ въ офицеры. Къ несчастію, онъ присталъ къ заговорщикамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ декабристовъ, былъ вмѣстѣ съ прочими сужденъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторгу. Тогда мать увидѣла его въ такомъ нарядѣ, въ какомъ до того видѣла его въ зеркалѣ своей гостиной.

Возвратимся къ Карабагскому хану. Онъ продолжалъ донжуанить въ петербургскихъ салонахъ, но пересталъ играть съ шулерами. Кто-то надъ нимъ снисловался и приведенными фактами объ игравшихъ съ нимъ личностяхъ убѣдилъ его. Я часто встрѣчался съ нимъ въ разныхъ домахъ. Но расскажу одну случившуюся съ нимъ невзгоду. Въ Петербургѣ, по случаю коронаціи императора Николая, была великолѣпная иллюминація. Весь городъ былъ на улицахъ; на Невскомъ проспектѣ даже страшная. Въ такихъ случаяхъ мирный пѣшеходъ оставляетъ дома и часы, и деньги, и даже носовой платокъ запрятываетъ поглубже. Тогда на Невскомъ, въ домѣ армянской церкви, былъ кафе-ресторанъ Амбіеля, въ которомъ первымъ гарсономъ былъ, сдѣлавшійся впоследствии извѣстнымъ, Иванъ Ивановичъ Излеръ. Прохаживаясь и смотря иллюминацію, я встрѣтилъ хана, съ его дорогою медалью на шеѣ, и посоветовалъ спрятать ее въ карманъ.

Увѣренный въ своей дородности и силѣ, онъ посмѣялся надо мною и продолжалъ шагать по тротуару. Мы условились поужинать вмѣстѣ у Амбіеля. Толпа насъ разлучила, и чрезъ полчаса я сидѣлъ въ кафе-ресторанѣ, поджидая сотрапезника. Вскорѣ явился и ханъ, но грустный и сердитый. На шеѣ медали уже не было. Онъ рассказалъ, что когда доходилъ до угла Большой Конюшенной, то его такъ стиснули со всѣхъ сторонъ, что онъ не могъ высвободить рукъ, и въ то же время почувствовалъ, какъ съ шеи сорвали медаль и сдѣлавшій это мгновенно исчезъ въ толпѣ. За новую медаль онъ заплатилъ 2,000 рублей.

Въ 1830 году прїѣзжалъ въ Петербургъ шамхаль Тарковский, вели Дагестанскій, генералъ-лейтенантъ російской службы. Это былъ толстый, неуклюжій старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, не имѣвшій понятія объ европейскіхъ нравахъ и манерахъ. Это былъ типичный образецъ полудикаго кавказскаго набоба. Его сопровождали мажордомъ, секретарь и нѣсколько служителей. Квартиру для него наняли въ бель-этажѣ дома Жербина (на Михайловской площади), подъ квартирой, занимаемой г-жей Хвостовой, вдовой, съ дочерью. Послѣднія брали уроки музыки и одна изъ нихъ, вполнѣдствіи графиня д'Орреръ (d'Orreger), отличалась недюжиннымъ талантомъ. Шамхаль былъ большой любитель музыки; слыша надъ своимъ жильемъ звуки рояля, онъ прислалъ своего управляющаго къ г-жѣ Хвостовой, прося позволенія представиться ей и оставаться слушать игру дочерей. Такимъ образомъ онъ просаживалъ въ ея салонѣ каждый день по нѣсколько часовъ. Говорилъ очень плохо по русски, и странная его фигура забавляла хозяйку, молодыхъ барышень и бывавшихъ въ домѣ гостей. Мусульмане высшихъ классовъ, въ особенности турки, персіане и т. п., имѣютъ какъ бы врожденное чувство свѣтской утонченности (*du compe il faut*). Но это чувство, такъ сказать, инстинктивной цивилизаціи не проникло, кажется, еще въ кавказскія горы. Нашъ шамхаль, напримѣръ, хотя и владѣтельная особа, былъ истый сынъ природы. Онъ, напримѣръ, игнорировалъ носовой платокъ и только въ Петербургѣ впервые узналъ цѣль и способъ употребленія этой принадлежности туалета. Онъ все еще былъ крайне необтесанъ и безсознательно грубъ, воображалъ себя равнымъ государю, называя его просто Николаемъ, что очень забавляло его величество и императрицу. Однакожъ прївѣтливая сосѣдка, у которой онъ проводилъ каждый день много времени, и веселыя барышни мало по малу приручили дикаря и посвящали его въ нѣкоторыя требованія общежитія. Онъ очень любилъ это семейство; сыну хозяйки, тогда еще юношѣ, подарилъ цѣнный булатный кинжалъ, самой же г-жѣ Хвостовой обѣщалъ, по возвращеніи въ свои владѣнія, прислать много жемчуга, который тамъ достаютъ изъ какаго-то озера, но не суждено ему было исполнить обѣщаніе.

Управляющій шамхала безсовѣстно обсчитывалъ его въ расходахъ. Поймавъ его на дѣлѣ, господинъ имѣлъ неблагоприятное

объявить, что по возвращеніи во свояси, онъ велить отрубить ему голову. Виновный естественно положилъ себѣ предотвратить такой исходъ, и достигъ этого слѣдующимъ образомъ. Шамхаль возвращался лѣтомъ; стояли сильныя іюньскія жары. Въ каретѣ его вынута было сидѣнье и вся внутренность была выложена подушками, на которыхъ старикъ лежалъ. Онъ былъ, какъ уже сказано, очень тучный и полнокровный. Въ экипажѣ онъ ѣхалъ одинъ; управляющій, секретарь и камердинеръ ѣхали впереди въ коляскахъ. Всѣ, дѣйствуя вѣроятно за одно, распредились такъ, чтобы ихъ господинъ не могъ отворить дверецъ кареты. Окна были также плотно закрыты. Они велѣли гнать по курьерски. Только передъ Новгородомъ открыли карету и нашли тамъ что имъ было нужно. Шамхаль лежалъ мертвый, убитый апоплексіей.

Около того же времени прибыла въ Петербургъ депутація отъ персидскаго шаха съ повинною за умерщвленіе русскаго посланника Грибоѣдова. Въ главѣ депутаціи былъ сынъ шаха и наслѣдникъ его престола Хозревъ-мирза. Это былъ 18 лѣтній юноша, съ лицомъ красиваго персидскаго типа, прелестными глазами и стройной осанкой ¹⁾. Его сопровождали командующій арміею шаха, Али-Баба, еще какой-то сановникъ, секретарь, переводчикъ, а вмѣстѣ и придворный поэтъ Фирузъ-бекъ, съ множествомъ служителей. Вмѣстѣ съ главною цѣлью посольства, была и та, выраженная въ письмѣ шаха къ императору, чтобы выпросить у его величества покровительство для Хозрева на случай смерти его отца, который предусматривалъ со стороны своего брата и племянниковъ покушенія устранить законнаго наслѣдника и овладѣть персидскимъ тронѣмъ. Государь принялъ депутацію очень благосклонно, такъ какъ виновные въ убійствѣ посланника были уже наказаны смертю, и обѣщаль просимое покровительство.

Хозревъ-мирза, по своему положенію, изящнымъ манерамъ и красотѣ, сразу сдѣлался львомъ дня въ Петербургѣ, гдѣ по приглашеніямъ бывалъ съ своими спутниками въ домахъ и знати, и

¹⁾ Портретъ Хозревъ-мирзы (род. 1813 † 1875 г.) см. при „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г., томъ XXV, іюль; тамъ же (стр. 333) очеркъ его біографіи, составл. А. д. П. Берже.

средняго хорошаго общества. Не смотря на свою молодость, онъ былъ мастеръ въ искусствѣ флиртаціи ¹⁾ и слышно было о нѣкоторыхъ полныхъ успѣхахъ его въ области de Tendre. Это не мѣшало ему искать и другихъ триумфовъ, получаемыхъ за наличныя деньги. Услужливые агенты отыскиали для него гдѣ-то красивую чухонку, сдѣлавшуюся въ послѣдствіи извѣстною всему Петербургу и чуть ли не всей Россіи. Она, съ легкой руки восточнаго принца, сдѣлавшая въ послѣдствіи наполеоновскую карьеру, долго оставалась живымъ памятникомъ посѣщенія сѣверной столицы наслѣдникомъ персидскаго престола.

Бывая въ домахъ, Хозревъ-мирза и лица его свиты охотно принимали угощенія и особенно любили шампанское вино. Они какъ будто не забывали запрещеній корана, но разрѣшали себѣ употребленіе напитка „вдовушки“ на томъ основаніи, что угощавшіе хозяева и хозяйки называли это вино лимонадомъ. Этотъ лимонадъ производилъ однакожъ свое обычное дѣйствіе и знаменитые гости развѣзжались въ веселомъ, нерѣдко въ очень веселомъ, расположеніи духа.

Изъ этой свиты поэтъ Фирузъ влюбился въ разныхъ петербургскихъ барышень и писалъ въ ихъ альбомахъ стихи на своемъ языкѣ; они, по свидѣтельству извѣстнаго оріенталиста Сенковского, были очень недурны. Пожилой же главнокомандующій Али-Баба отличался тѣмъ, что быть можетъ въ его отечествѣ считалось умомъ, но что мы, европейцы, можемъ смѣло назвать восточною глупостью. Онъ былъ магометанскій фанатикъ въ высшей степени и на всѣхъ людей другихъ религій взиралъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, какъ на погибшихъ вѣчно. Отъ него въ памяти петербуржцевъ осталось слѣдующее изрѣченіе:

Въ честь Хозрева, по повелѣнію государя, на марсовомъ полѣ сдѣланъ былъ большой парадъ изъ всѣхъ полковъ гвардіи. Молодой принцъ былъ удивленъ и восхищенъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ этой массы отборныхъ войскъ. На Али-Бабу оно, каза-

¹⁾ Недавно введенное въ англійскомъ языкѣ слово flirtation, въ томъ же видѣ и смыслѣ принятое въ новыхъ французскихъ романахъ, выражаетъ легкое, тонкое, едва замѣтное ухаживаніе за женщиною, которое ею допускается, но не компрометируетъ, и никого ни къ чему не обязываетъ. Равнозначащаго слова нѣтъ въ другихъ языкахъ, кромѣ польскаго *umizgi*. См. сочиненія князя П. А. Вяземскаго.

лось, не сдѣлало такого впечатлѣнія. Онъ спокойно и какъ бы безучастно слѣдилъ за эволюціями полковъ. По окончаніи маневровъ, военный министръ спросилъ его, какъ онъ находитъ войска гвардіи? Персидскій вождь, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ: „да, войска красивы“; потомъ, немного помолчавши, прибавилъ: „однакожь я думаю, что если хорошо помолиться пророку, то можно бы ихъ и побить“.

О. А. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Осипъ Антоновичъ Пржецлавскій род. въ 1799 г. въ Гродненской губерніи; онъ происходилъ изъ старинной польской дворянской фамиліи, герба Глаубичъ. Былъ католикъ, религіозенъ до мистицизма, но никогда не былъ фанатикомъ. Семнадцати лѣтъ окончивъ блестящее образованіе въ славномъ тогда Виленскомъ университетѣ, со степенью кандидата философіи, Пржецлавскій былъ рано замѣченъ и отличенъ тогдашнею интеллигенціею: въ Виленѣ масоны поспѣшили принять его въ свою ложу; въ Петербургѣ онъ быстро освоился въ кружкахъ высшаго и чиновнаго общества. Не будучи фанатикомъ въ религіи, онъ не послѣдовалъ по стопамъ польскихъ фанатиковъ-политиковъ въ ихъ враждѣ къ Россіи. О. А. Пржецлавскій рано позналъ ту истину, что для Польши нѣтъ спасенія иного, какъ въ братскомъ единеніи съ Россіей. Только подъ главенствомъ Россіи Польша могла спасти свой языкъ, свою народность отъ вырожденія и отъ полона нѣмцаго. Пржецлавскій открыто высказывалъ свои убѣжденія. Лучшіе изъ поляковъ, какъ наприм. Мицкевичъ, не прервали съ нимъ дружбы, когда увидали его русскимъ чиновникомъ; но другіе поляки, въ 1831 году, въ эпоху возстанія, сожгли его портретъ на Батиньольскомъ полѣ. Отдавшій русской службѣ, онъ любилъ свою родину, любилъ ее до какого-то обожанія, гордился своимъ польскимъ происхожденіемъ и хранилъ всю жизнь горсть земли изъ Слонимскаго уѣзда, мѣста его родины. Эту пасть земли онъ завѣщалъ положить съ собою въ гробъ, единственная его предсмертная просьба. Въ духѣ своихъ искреннихъ убѣжденій, необходимости тѣснаго единенія Польши съ Россіей, издавалъ Пржецлавскій въ Спб., въ теченіе 30-ти лѣтъ, польскій журналъ „Tygodnikъ“, къ участію въ которомъ успѣлъ привлечь всѣ лучшія литературныя силы Польши. Пржецлавскій обладалъ умомъ тонкимъ, познаніями обширными и до самой смерти старался ихъ расширить чтеніемъ книгъ на нѣсколькихъ языкахъ, которыми владѣлъ въ совершенствѣ. Между прочимъ, онъ страстно любилъ ботанику и оставилъ обширный гербарій. Въ теченіе сорока-лѣтней его службы онъ нѣсколько лѣтъ былъ цензоромъ и въ 1860-хъ годахъ членомъ совѣта м—ра вн. дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, при чемъ не шелъ противъ новыхъ вѣяній, сопровождавшихъ реформы великаго государя. Умеръ О. А. Пржецлавскій въ Твери, 10-го декабря 1879 г., на 80-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго Орла. Д. Е.

31-го января 1880 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ОСИПА АНТОНОВИЧА ПРЖЕЦЛАВСКАГО ¹⁾.

VI.

Графъ Перовскій.—Морализація трактировъ и мелочныхъ лавокъ.—Раззія за шуллеровъ.—Газофобія.—Сочиненія о скопцахъ и о жидахъ.—Зундель Зоненбергъ—депутатъ жидовскаго народа.—Жидовскій умъ.—Кагалы.—Садлуken.—Іаковъ Франкъ и его послѣдователи.—Каранты.—Еврейки.

Въ одинъ изъ 1840-хъ годовъ Левъ Алексѣевичъ (впослѣдствіи графъ) Перовскій назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставаясь вмѣстѣ и товарищемъ министра удѣловъ. Можно полагать, что это послѣднее званіе, въ которомъ онъ управлялъ вѣренною ему частью почти полновластно, открыло ему путь къ новому, болѣе обширному, поприщу. Благодаря Перовскому, удѣлы, имъ завѣдываемые, достигли возможно лучшаго, по тогдашнему времени, устройства и въ экономическомъ, и въ административномъ, и въ образовательномъ отношеніяхъ. Среди необъятной мертвой степи крѣпостного быта двадцати милліоновъ рабовъ-землепашцевъ, томившихся подъ гнетомъ полнѣйшаго произвола, селенія удѣльныя составляли какъ бы оградные оазисы, гдѣ рѣзко выдавались различія ихъ благосостоянія отъ помѣщичьихъ.

Я не намѣренъ входить въ подробности управленія Перовскаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; хочу только записать для исторіи этого управленія нѣкоторыя черты, отличавшіяся своею оригинальностью.

Вообще по министерству все, казалось, „обстояло благопо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 451 и 665; изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 383; т. XIV, стр. 131 и 684, изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 545, 549, 553 и 559; изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 625; т. XXII, стр. 67; изд. 1883 г., т. XXXIX, августъ, стр. 377—406.

лучно". Одно лишь серьезное столкновение случилось между Перовским и министром статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, по случаю посвященія одного изъ епископовъ Царства. Оно имѣло исходъ неблагопріятный для Льва Алексѣевича, но это случилось по винѣ не его, а директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, покойнаго Скрипицына, подбившаго его на неосновательный докладъ государю ¹⁾.

Особенностью управленія Перовскаго было то, что онъ преимущественно, очень подробно и щепетильно, занимался всѣмъ, что исключительно касалось города Петербурга и его жителей. Онъ какъ будто бы не сознавалъ, что это дѣло не министра, а военнаго генераль-губернатора и оберъ-полиціймейстера, или быть можетъ думалъ, что ихъ дѣятельность требуетъ понужденій и контроля. Какіе бы ни были его мотивы въ этомъ случаѣ, но заботливость свою о петербуржцахъ онъ доводилъ до смѣшнаго. На подобіе сказочнаго Багдадскаго калифа Аль-Рашида, онъ переодѣвался полиціантомъ, ходилъ по мелочнымъ и булочнымъ лавкамъ и тамъ повѣрялъ вѣсы и мѣры, а уличенныхъ въ фальши торговцевъ предавалъ строгой отвѣтственности. Это было даже осмѣяно въ водевилѣ П. А. Каратыгина: „Булочная, или петербургскій нѣмецъ“.

Были и другія странныя распоряженія Перовскаго. Такъ, напримѣръ, по его настоянію, во всѣхъ трактирахъ и ресторанахъ запрещены были органы, (шкафы съ музыкой), такъ какъ, по его мнѣнію, музыка располагаетъ посѣтителей къ расточительности. Это уже было прямое возстановленіе древняго римскаго учрежденія цензора нравовъ, какимъ былъ Катонъ. Но что всего труднѣе понять, Перовскій былъ дѣятельнымъ противникомъ газоваго освѣщенія, а хотя и не могъ воспрепятствовать введенію этого освѣщенія въ столицѣ, но всячески старался стѣснять его требованіемъ различныхъ нераціональных формальностей. Общество газоваго освѣщенія поставило было предъ подъѣздомъ министерскаго дома, (позади Александринскаго театра), два столба съ газовыми фонарями. Министръ велѣлъ снять эти фонари. Быть впрочемъ можетъ, что не самое освѣщеніе, а составъ компаніи не нравился Перовскому, и что онъ имѣлъ другую компанію, которой желалъ покровительствовать.

¹⁾ См. моя Воспоминанія о Туркулѣ „Русская Старина“, томъ XIV, изд. 1875 г., декабрь. О. П.

Управление графа Перовскаго ознаменовалось однимъ распоряженіемъ общей пользы. Это была развѣя на петербургскихъ шуллеровъ.

Дѣло о шуллерствѣ возникло первоначально въ Москвѣ; тамъ это художество было доведено до совершенства, и дѣйствовало такъ: была организована шайка; она, помощью многихъ агентовъ, узнавала о находившихся и о вновь прибывающихъ изъ провинцій въ первопрестольную столицу богатыхъ, только что получившихъ наслѣдство, но неопытныхъ субъектахъ, о жуирахъ, жаждавшихъ насладиться столичною жизнью. Члены шайки, люди свѣтскіе, какъ Грибоѣдовскій Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій, легко достигая знакомства съ этими „пижонами“, сперва вводили ихъ въ такъ называемый „свѣтъ“, потомъ въ „полу-свѣтъ“, и такимъ образомъ сдѣлавшись ихъ задушевными друзьями, оканчивали тѣмъ, что завлекали ихъ въ свой шуллерскій кружокъ. Тутъ были и лукулловскіе ужины съ „дамами“, разлитое море шампанскаго, и т. п. Все это не могло не нравиться желто-носымъ провинціаламъ. Послѣ ужина предлагалась „для лучшаго пищеваренія“, маленькая игра въ банкъ, въ штосъ, или въ кости. Пижоны, только что получившіе наслѣдственные капиталы, или заложившіе уже въ опекуновомъ совѣтѣ имѣнія на громадныя суммы, поощряемые еще присутствовавшими при игрѣ красивыми „дамами“, естественно не отказывались отъ такого пріятнаго „препровожденія времени“. Тутъ являлось опять шампанское. Банкъ метали отборные артисты. Молодые люди, разумѣется, проигрывали всѣ наличныя деньги; но этимъ дѣло не оканчивалось. Къ подносимому имъ вину шуллеры подмѣшивали какой-то составъ, не изслѣдованный еще химиками, называемый кукольванцомъ. Онъ имѣлъ такое странное свойство, что не лишалъ субъекта физическихъ силъ, но затмѣвая разсудокъ совершенно, отнималъ сознаніе и память о томъ, что происходило въ настоящемъ ¹⁾. Опьяненный кукольванцомъ дѣлался автоматомъ, безсознательно дѣлающимъ все, въ чему его понудить. Когда несчаст-

¹⁾ Не есть ли это экстрактъ растенія *Lolium temulentum*? Я это подозреваю, какъ по данному ему Линнеемъ характерному названію пьянаго, такъ и потому, что по польски растеніе это зовется конколь, (куколь). Предоставляемъ химикамъ и фармацевтамъ, рѣшить этотъ, намъ кажется важный, вопросъ.

ная жертва доведена уже до такого положенія, тогда изъ другихъ комната является, съ готовымъ заемнымъ письмомъ на рассчитанную по состоянію игравшаго сумму и съ нотаріальною книгою, какой-нибудь писецъ изъ конторы нотаріуса. Пьянаго заставляютъ подписать заемное обязательство и его копію въ книгѣ. По исполненіи сего, соннаго пижона отвозятъ на его квартиру. Онъ тамъ спитъ обыкновенно около 24-хъ часовъ, проснувшись же ничего не помнитъ изъ того, что съ нимъ наканунѣ было, даже не можетъ назвать лицъ, его угощавшихъ. Онъ совершенно успокаивается и только говорить себѣ: „вотъ-то я славно покутилъ вчера“.

Векселя обыкновенно писались на срокъ шести мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени они переходили въ третія или въ четвертыя руки, а съ наступленіемъ срока подавались во взысканію. Мнимые должники, ничего не помня, естественно крайне удивлялись, всѣми силами протестовали противъ взысканія; но такъ какъ не могли оспаривать своей подписи ни на векселяхъ, ни въ нотаріальной книгѣ, то въ концѣ концовъ должны были заплатить.

Все это такъ и сходило съ рукъ тогдашнимъ „червонымъ валетамъ“, предкамъ тѣхъ, которые судились въ послѣднее время. Мошенничества ихъ были обставлены такими псевдо-законными формальностями, что и наблюдательная, и судебная власти того времени, связанные буквою закона, не допускающею протеста по безденежности заемныхъ обязательствъ, не могли попрепятствовать взысканіямъ. Шайка шуллеровъ такъ-бы и продолжала блаженствовать, практикуя далѣе свою систему. Но ихъ попуталъ лукавый демонъ любостыжанія, называемый Маммонъ: они хотѣли сразу получить большой кушъ, и вотъ что въ Москвѣ случилось.

Пріѣхалъ туда повеселиться молодой артиллерійскій офицеръ О нъ. Валетамъ, чрезъ агентовъ, стало извѣстно, что онъ имѣетъ хорошее состояніе, но главное, что у него есть бабушка милліонерка, не имѣющая другихъ родныхъ, влюбленная во внука, единственнаго ея наслѣдника, и которая даетъ ему денегъ безъ счету. По всему этому О. былъ самымъ вождедѣннымъ пижонъ. Члены почтенной корпораціи, все люди „свѣтскіе“, не преминули познакомиться и сблизиться съ молодымъ артиллеристомъ. Устраивали у себя, то тотъ, то другой, вечера съ ужинами, à la

гёгенсе, съ шампанскимъ и коботками. Послѣ ужина артисты метали маленькій банчикъ. О. принималъ угощенія, но, увы, онъ не пилъ никакого вина, и не игралъ ни во что. Что же съ нимъ дѣлать? Такъ себя спрашивали на консилияхъ шуллера, а упустить такую добычу было для нихъ немислимо. И вотъ какъ они разрѣшили этотъ вопросъ.

Одну изъ участвовавшихъ въ ассоціаціи кокотокъ, именно ту, которая болѣе другихъ нравилась О. . . . ну, они заставили написать къ нему, назначая свиданіе. Мѣсто для этого было подобрано съ большою предусмотрительностью всякихъ случайностей. Это былъ маленький, совершенно пустой, особнякомъ стоявшій домъ, въ одномъ изъ самыхъ пустынныхъ переулковъ Москвы, состоявшемъ изъ однихъ почти огородовъ и заборовъ. Возлѣ самаго дома стояла полицейская будка. О. . . . нъ пріѣхалъ на извозчикѣ; впускаяшій посѣтителя лакей заплатилъ извозчику и велѣлъ ему ѣхать прочь, сказавъ, что господинъ останется на ночь.

Войдя въ очень невзрачную квартиру, О. напрасно искалъ прелестницу, назначившую ему свиданіе. Въмѣсто ея приняли молодого человѣка личности, совершенно ему незнакомаго и самаго непривлекательнаго вида. О. . . . нъ обошелъ всю квартиру, не находя въ ней того, чего искалъ, и, подозрѣвая какую-то мышеловку, хотѣлъ уйдти, но нашелъ всѣ двери запертыми, и принявшіе его у входа объявили, что онъ не уйдетъ, пока не исполнить одного непремѣннаго условія. Оно состояло въ томъ, что онъ долженъ подписать на гербовой бумагѣ и въ нотаріальной книгѣ заемное обязательство въ 150,000 р. заднимъ числомъ и срокомъ на шесть мѣсяцевъ, на имя такого-то, также незнакомаго ему, господина. О. . . . нъ, разумѣется, отказался, вспыливъ, назвалъ этихъ господъ разбойниками, и т. д. Тогда эти же господа заявили, что его будутъ сѣчь розгами до тѣхъ поръ, пока онъ не поумнѣетъ и не сдѣлаетъ того, чего требуютъ. Когда и за этимъ О. не соглашался, то его раздѣли и сѣкли нещадно. Напрасны были его крики о помощи; ее ни откуда не являлось. Пациентъ нашелся въ такомъ положеніи, въ какомъ бывали при Іоаннѣ Грозномъ пытаемые Малютою Скуратовымъ, признававшіеся во всемъ, чего не сдѣлали. Онъ согласился на все и подписалъ все. Его отвели въ какую-то каморку, и уложили полу-живого на ночь.

Прійдя немного въ себя, О. попытался убѣжать; дверь нашель запертою, но ему удалось выскочить въ окно и въ глухую ночь онъ побѣжалъ въ свой номеръ гостинницы. Дождавшись дня, онъ отправился прямо къ военному генералъ-губернатору и разсказалъ всю исторію. Главный начальникъ не совсѣмъ повѣрилъ страннымъ подробностямъ разсказа, подозрѣвая въ этомъ какую-нибудь амурную авантюру. Однако-жъ сдѣлано было распоряженіе о производствѣ строгаго слѣдствія и таковое поручено довѣренному чиновнику. Но потерпѣвшій не могъ дать слѣдователю ясныхъ указаній. Онъ забылъ названіе переулка, мѣсто истязанія; они много проѣздили вмѣстѣ по Москвѣ, пока О. узналъ наконецъ искомый домъ. Въ немъ живой души не было, и по показанію будочника, онъ давно уже стоитъ пустымъ, а въ ночь происшествія никто въ этотъ домъ не пріѣзжалъ и онъ, будочникъ, не слышалъ въ немъ никакого крика, ни шума. То же показали и немногіе живущіе въ такомъ разстояніи отъ дома, что могли услышать крики. О. не могъ назвать слѣдователю и того лица, на имя котораго писано заемное обязательство, такъ какъ и въ самомъ этомъ актѣ, и въ нотаріальной книгѣ, для имени мнимаго займодавца оставленъ былъ пробѣлъ. Оставалось просмотрѣть книги всѣхъ московскихъ нотаріусовъ; но какъ заемное письмо О. было написано заднимъ числомъ, то поиски эти стоили бы не малаго труда. Но къ счастью и его, и слѣдователя, писецъ нотаріуса, у котораго всѣ эти подлоги совершались, съ-пьяну проговорился и стало извѣстно, что шайка имѣла одного нотаріуса въ своей средѣ. Загорѣлось огромное дѣло, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ игорныхъ центровъ случилось смертоубійство, за которое виновные были сосланы въ каторгу. Обнаружилась связь московскихъ шуллеровъ съ петербургскими, и министръ Перовскій горячо взялся за это дѣло. Поводомъ къ обнаруженію подобной шайки въ Петербургѣ послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ собственномъ домѣ, на углу Гороховой и малой Морской ¹⁾, жила старая княгиня Голицына, мать тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, извѣстная въ высшемъ обществѣ подъ на-

¹⁾ Это тѣтъ домъ, который казною былъ купленъ и государемъ Николаемъ Павловичемъ подаренъ военному министру, князю А. И. Чернышеву.

званіемъ *Princesse-moustache*. Она была уважаема государемъ и особами царской фамиліи, а какъ имѣла прославленнаго въ городѣ повара, то государь и кто-нибудь изъ царственныхъ особъ удостоивали ее по временамъ своимъ сотрапезничествомъ. Въ такихъ случаяхъ княгиня обыкновенно приказывала сервировать обѣдъ на серебрянъ, подаренномъ императоромъ Петромъ I одному изъ предковъ княжескаго дома. Разъ, когда государь долженъ былъ обѣдать у княгини, вошелъ къ ней дворецкій и, ставъ на колѣни, со слезами заявилъ, что историческій сервисъ не будетъ поданъ къ обѣду, потому что онъ заложилъ его въ ломбардъ и не имѣетъ возможности выкупить. Причиною этого поступка было, по словамъ виновнаго, то, что онъ, производя какую-то коммерцію, проторговался, залогомъ этимъ надѣется поправить свои дѣла и тогда выкупить свой сервисъ. Княгиня тотчасъ-же распорядилась о выкупѣ, и сервисъ къ обѣду былъ готовъ. Дворецкій былъ замѣщенъ другимъ, болѣе надежнымъ, лицомъ, а вмѣстѣ съ этимъ стало извѣстнымъ, что онъ никакой торговли не производилъ, а игралъ въ карты и былъ обыгранъ шуллерами. Тогда же узнали, что игра производилась въ особыхъ комнатахъ трактира „Вѣна“, напротивъ дома княгини Голицыной.

Слѣдствіе о петербургскихъ игрокахъ было поручено министромъ Перовскимъ одному изъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ для особыхъ порученій.

Кромѣ мелкихъ, трактирныхъ и кабачныхъ искусниковъ, вращавшихся въ низшихъ слояхъ населенія, всему городу были извѣстны шуллера высшаго полета, принимаемые въ обществѣ, какъ-то: гг. С., Г., Б., Л., К., Е., князь О., Г., К., и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли собственные дома и давали вечера. Они-то постоянно обыгрывали Карабагскаго хана, о которомъ выше было сказано. Всѣ они были привлечены къ слѣдствію, но никто изъ нихъ не былъ пойманъ на дѣлѣ и никто не признался въ азартной игрѣ. А какъ это происходило въ то время, когда еще для уличенія виновнаго въ преступленіи требовалось собственное его признаніе, то слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Въ производствѣ его наиболѣе замѣчательно было объясненіе одного изъ этихъ господъ, С., который, какъ всѣмъ было извѣстно, все свое значительное состояніе приобрѣлъ игрою. На допросъ онъ сказалъ, что не играетъ ни въ какую игру, а карты знаетъ только по

пасьянсу, который часто раскладываетъ. Всѣ люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открытъ былъ большой сундукъ, стоявшій въ передней. Въ немъ овозаилось большое количество картъ, углы и края которыхъ были загнуты въ видѣ паролей и на пѣ, что и составляло наглядное доказательство, что въ домѣ играли въ банкъ или въ штось. Но камердинеръ и тутъ нашелся. Онъ сказалъ, что эти карты служили для чистки золоченныхъ пуговицъ на фракахъ ихъ господина и то, что имѣло видѣ паролей, дѣлалось для охраненія самаго платья отъ погнѣствій чистки.

Не смотря на заперательство виновныхъ, на основаніи собранныхъ уликъ и показаній пострадавшихъ, положено было внести дѣло въ сенатъ. Составлена и напечатана записка въ огромномъ фоліантѣ. Въ ней заключались и главные данныя изъ походовъ шуллеровъ московскихъ ¹⁾. Всѣ однакожъ обвиняемые оставлены были на свободѣ, и наконецъ, наканунѣ доклада, дѣло изъ сената вытребовано было шефомъ жандармовъ, графомъ Бенвендорфомъ, „для нѣкоторыхъ соображеній“. Оно такъ и осталось неразсмотрѣннымъ въ судебномъ порядкѣ. Третье Отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи вѣроятно, по почерпнутымъ изъ этого дѣла указаніямъ, приняло мѣры къ обузданію запрещенной игры. Это однакожъ не помѣшало председателю управы благочинія, Клевенскому, (въ 1850-хъ гг.) проиграть хранившіеся въ управѣ деньги, болѣе 300,000 р. Правда, что часть ихъ онъ проигралъ не въ азартную игру, а въ преферансъ, и что въ выигрышѣ участвовало лице не то, чтобы высокопоставленное, а въ свое время очень вліятельное и также, какъ Клевенскій, принадлежавшее, хотя и въ высшей сферѣ, къ блюстителямъ благочинія...

Хотя кампанія, предпринятая гр. Перовскимъ противъ рыцарей зеленого поля, не вполне увѣчилась успѣхомъ, все-таки она имѣла благотворныя послѣдствія. Рыцари умѣрили свою дѣятельность, стали съ болѣею осторожностью избирать свои жертвы, и въ этомъ былъ уже извѣстный процентъ пользы.

Управление этого министра ознаменовалось еще составленіемъ по его порученію двухъ весьма замѣчательныхъ явленій въ адми-

¹⁾ Все, что здѣсь сказано объ этомъ предметѣ, извлечено изъ этого официальнаго документа. О. П.

нистративной библиографіи: 1) „Изслѣдованіе о скопческой ереси“, С.-Петербургъ, 1842 г., напечатано по высочайшему повелѣнію, и 2) „Разысканіе о убіеніи евреями христіанскихъ младенцовъ и употребленіи крови ихъ“; напечатано по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, 1844 года, въ 8 д., стр. 153.

Это было время, когда признавалось цѣлесообразнымъ принимать противъ раскола мѣры строгости и наказаній. Не было еще понято, что преслѣдованіе за убѣжденія, какія бы онѣ ни были, не только не искореняютъ ихъ, а напротивъ служатъ къ ихъ усиленію и содѣлываются какъ-бы одною изъ формъ пропаганды, придавая жертвамъ ореолъ героизма и мученичества. Убѣжденія ложныя уступаютъ лишь силѣ болѣе логичныхъ убѣжденій, но не принудительнымъ и карательнымъ мѣрамъ. Вопреки такому взгляду, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденъ былъ тогда особый отдѣлъ для завѣдыванія дѣлами сектантовъ. Тогда-то графъ Перовскій поручилъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, Ник. Ив. Надеждину, изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ скопческую ересь и представить о ней подробный отчетъ. Совѣстный трудъ этотъ былъ напечатанъ въ очень немногихъ экземплярахъ, (кажется въ 25), да и тѣ впослѣдствіи, не извѣстно почему, были истребляемы, такъ что ихъ осталось не болѣе трехъ. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось достать одинъ экземпляръ для прочтенія.

Кому ученіе и исповѣданіе вѣры скопцовъ не извѣстны, тотъ никогда не составитъ себѣ понятія до какой степени драгоценное качество человѣка, отличающее насъ отъ цѣлаго міра животныхъ: способность мышленія—можетъ уклониться отъ прямого пути, и въ какую бездну негѣпостей заведетъ его путь, вышедшій съ ложной точки отправленія.

Главный догматъ скопческаго ученія, краеугольный камень вѣроисповѣданія—это превратно понимаемые тексты евангелія отъ Маттея въ разд. 18 и отъ Марка въ разд. 9, гдѣ сказано: „а если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его“.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи лжеученія скопцовъ оказывается, что къ нему примѣшалось многое изъ древнихъ доктринъ еврейскихъ кабалистовъ, гностиковъ и манихеевъ.

Эти древнія, слишкомъ отвлеченныя, мистическія ученія могли не быть извѣстны составлявшему разысканія о скопческой ереси,

а притомъ, проходя чрезъ густой туманъ безграмотности русскаго простолюдина, онѣ утратили все свое идеальное значеніе и явились въ слишкомъ матеріальныхъ формахъ грубаго абсурда.

Такъ, напримѣръ, невозможно объяснить себѣ какимъ умственнымъ процессомъ скопцы дошли до вѣрованія, что императоръ Петръ III былъ скопцомъ и вторымъ воплощеніемъ Иисуса Христа, и что по третьемъ воплощеніи, онъ возсядетъ на престолъ, именно въ Петербургѣ, окруженный свѣтомъ, то есть 140,000 скопцовъ. Тогда послѣдуетъ страшный судъ, по которому одни скопцы будутъ спасены. Такимъ образомъ городъ С.-Петербургъ содѣлается тѣмъ „новымъ Іерусалимомъ“, который предсказанъ въ Апокалипсисѣ.

Послѣ этого никакой абсурдъ въ этомъ ученіи не можетъ насъ удивлять. Скопцы, напримѣръ, вѣрують, что Іоаннъ Предтеча, самъ скопецъ, подвергъ Спасителя той-же операціи и что такъ нужно понимать крещеніе въ Іорданѣ, и вообще таинство крещенія.

Книга „Разысканія о убіеніи евреями христіанскихъ младенцовъ“ напечатана была въ очень немногомъ числѣ экземпляровъ (15 или 20), да и тѣ болѣею частью были истреблены, такъ что въ министерство графа Перовскаго оставалось ихъ не болѣе трехъ. Изъ нихъ одинъ министръ подарилъ директору департамента общихъ дѣлъ, покойному Гвоздеву, а по смерти послѣдняго экземпляръ этотъ нашелся на короткое время въ моихъ рукахъ и я изъ него выписалъ замѣчательнѣйшія мѣста ¹⁾.

Авторъ (имѣ неизвѣстно кому это разысканіе было графомъ Перовскимъ поручено) прочиталъ всѣ 134 дѣла, производившіяся въ западныхъ, югозападныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, по которымъ евреи обвинялись въ мученическомъ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей для полученія ихъ крови; прочиталъ 26 различ-

¹⁾ Еврейскій вопросъ очень мало извѣстенъ русскому обществу. Весьма немногіе знаютъ даже о существованіи отраслей, на которыя развѣтвляется племя Израилъ.

По уваженіи, что пользуясь недавно предоставленными имъ льготами, евреи начали въ значительномъ уже числѣ водворяться въ великороссійскихъ городахъ, я призналъ умѣстнымъ сообщить здѣсь подробности о нихъ свѣдѣнія, въ убѣжденіи, что для русскаго общества не безынтересно и не безполезно будетъ ближе ознакомиться съ настоящимъ, почти совершенно для него новымъ, предметомъ.

О. П.

ныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ на языкахъ: латинскомъ, греческомъ, русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и молдаванскомъ; бесѣдовалъ съ многими крещеными евреями, и, что всего важнѣе, ему удалось почерпнуть свои свѣдѣнія изъ еврейскихъ религіозныхъ книгъ, содержащихъ ими въ великой тайнѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и несомнѣнныхъ источниковъ, авторъ книги пришелъ къ слѣдующему общему заключенію:

1) Преступленіе, въ которомъ обвиняютъ евреевъ, практикуется несомнѣнно, но въ этомъ общемъ положеніи необходимо допустить слѣдующія ограниченія:

Хотя во многихъ мѣстахъ талмуда (особенно Вавилонскаго), и въ разныхъ сочиненіяхъ комментаторовъ, мучительное умерщвленіе христіанскихъ дѣтей для полученія ихъ крови не только разрѣшается, но даже вмѣняется евреямъ въ обязанность—однако-жъ варварскій этотъ обычай почти вовсе неизвѣстенъ въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ живутъ евреи болѣе или менѣе образованные. Эти евреи отвергаютъ изъ талмудовъ и комментаріевъ то, что въ нихъ заключается нелѣпаго и преступнаго, и придерживаются почти исключительно чисто моисеева закона. И такъ всѣ подобныя дѣла приходятся, также почти исключительно, на страну, составлявшую бывшее польское королевство, то есть на Царство Польское, западныя, югозападныя и бѣлорусскія губерніи, наполненныя съ давняго времени евреями стараго закала, остающимися безъ европейскаго образованія, чуждыми общаго прогресса, воснѣбующими въ древнемъ фанатизмѣ и изуверствѣ. Но и здѣсь еще авторъ допускаетъ ограниченія. По его мнѣнію значительное большинство случаевъ должно отнести къ евреямъ, принадлежащимъ къ сектѣ хассидимовъ. Нѣсколько словъ объ этой сектѣ¹⁾.

Она основана въ 1760 или 1761 году раввиномъ Израелемъ Башлемомъ, жившимъ въ мѣстечкѣ Межибожѣ, принадлежавшемъ князю Чарторыйскому въ Волынской губерніи; секта эта стала шибко распространяться въ юго-западныхъ, западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ и вскорѣ послѣднія сдѣлались ея главнымъ центромъ. Причиной быстрого распространенія хассидовъ, можно

¹⁾ Слѣдующія свѣдѣнія извлечены частью изъ разбираемаго сочиненія, частью изъ собственныхъ моихъ наблюденій на мѣстѣ, въ Литвѣ, но главнѣйше изъ статьи, помѣщенной въ 1842 году въ извѣстномъ англійскомъ журналѣ „Foreign Quarterly Review“.

предполагать, было то, что основатель ихъ секты всѣмъ талмудистамъ, принявшимъ его ученіе и воспитывающимъ въ нихъ дѣтей своихъ, предоставлялъ свободу совершать всякіе грѣхи безъ различія, заранее отпуская ихъ на всю жизнь, не требуя ни покаянія, ни исправленія. Доктрина Башлема есть нѣчто чудовищное, достигшее крайней степени безбожнаго абсурда. Въ сочиненіи Ликале Амувиу, напечатанномъ въ Лембергѣ, онъ усиливается доказать, что человѣкъ, дабы сколько возможно приблизился къ божеству, долженъ стараться сколько возможно болѣе грѣшить. Ученіе это основано на слѣдующемъ соображеніи. Въ лѣстницѣ существъ Богъ занимаетъ самую высшую; а великій грѣшникъ самую низшую ступень. Лѣстница же эта составляетъ кругъ; въ немъ естественно крайнія звѣнья соприкасаются и такимъ образомъ грѣшникъ найдетъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Богомъ.

При такомъ катихизисѣ, хасиды считаютъ себя святыми, презирая и осуждая всѣ другія вѣрованія. Въ особенности ненавидятъ христіанъ и вмѣняютъ себѣ въ обязанность всячески вредить имъ. Во время моленія они бѣснуются, неистово кричатъ на разные голоса, кружатся, прыгаютъ и выдѣлываютъ неимоверныя тѣлодвиженія; въ Литвѣ сектантовъ этихъ называютъ скакунами. Притомъ они соблюдаютъ жидовскіе праздники и обряды. Поэтому болѣе, чѣмъ вѣроятно предположеніе автора „Размышленія“, что почти всѣ убійства дѣтей совершаются хасидами. Они пребываютъ въ ожесточенной враждѣ съ талмудистами; послѣдніе неоднократно доносили на нихъ правительству, представляя хасидовъ опасными для государства и для общества. Поэтому авторъ статьи въ Quarterly Review допускаетъ, что книга Ликале Амувиу, излагающая такую чудовищную теорію о значеніи грѣха, могла быть написана талмудистами подъ именемъ Башлема съ цѣлью представить основанную имъ секту въ наиболѣе возмутительномъ свѣтѣ. По словамъ того-жъ англійскаго журнала, доктрина хасидовъ кромѣ Россіи нашла себѣ прозелитовъ и между евреями другихъ европейскихъ государствъ.

2) Евреи, отвергая возводимое на нихъ обвиненіе, возражаютъ, что умерщвленіе дѣтей было бы преступленіемъ безцѣльнымъ и не нужнымъ, такъ какъ христіанской крови очень легко можно бы доставать въ циркуляхъ отъ кровопусканій, и вообще отъ

близненныхъ кровотеченій. Но этотъ аргументъ вовсе неоснователенъ, ибо непрѣмѣнное условіе состоитъ въ томъ, чтобы добытіе крови сопряжено было съ мученіемъ. Это доказываютъ всѣ извѣстные изъ дѣлъ случаи и это именно предписывается въ изданныхъ писаніяхъ объ этомъ предметѣ. Эти истязанія необходимы, такъ какъ убійства совершаются въ воспоминаніе и въ поруганіе мученій, коимъ евреи подвергали Иисуса Христа.

3) Кровь христіанская, и преимущественно кровь непорочныхъ младенцовъ, нужна евреямъ для разныхъ цѣлей, такъ какъ по ихъ тайному ученію, употребленіе ея умножаетъ въ нихъ святость. Они употребляютъ ее и для роженицъ, и при обрѣзаніи своихъ младенцовъ, и при свадьбахъ и наконецъ смѣшиваютъ съ пищею. Для сохраненія крови они напityваютъ ею куски холста и нити, сушатъ ихъ и сожигаютъ, а получаемую такимъ образомъ золу тщательно хранятъ, употребляя ее въ маломъ количествѣ вмѣсто соли. Примѣшиваніе такой золы или самой крови въ опрѣснокамъ, которые жиды ѣдятъ въ праздникъ своей Пасхи (Пейсахъ), имѣетъ руководящую идею поруганіе надъ христіанскимъ таинствомъ евхаристіи.

4) Почти по всѣмъ (чтобы не сказать по всѣмъ) просмотрѣннымъ авторомъ дѣлопроизводствамъ, виновность жидовъ была доказана несомнѣнно; не смотря на это ни одинъ еврей не былъ осужденъ, ни наказанъ.

Такой результатъ отчасти лишь должно приписать существовавшему при прежнемъ судопроизводствѣ правилу, по которому для осужденія обвиняемаго требовалось собственное признаніе, иными словами, требовалось, чтобы подсудимый уличалъ самъ себя, а такого признанія добиться отъ жидовъ было немислимо. Но главною причиною такой безнаказанности было умѣніе евреевъ обдѣлывать свои дѣла, при помощи издревле боготворимаго ими золотого тельца. Онъ далъ имъ ключъ изъ того же металла, отворяющій двери и сердца.

По случаю возникшаго въ Гроднѣ, въ 1816 году, о Пасхѣ, дѣла объ умерщвленіи крестьянской дѣвушки, въ чемъ были сильнѣйшія противу жидовъ улики, прибылъ въ Петербургъ уполномоченный отъ нихъ. Онъ жаловался на такую оскорбительную для его единовѣрцевъ клевету, хитро приписывая ее ненависти поляковъ къ евреямъ за ихъ преданность правительству.

Повѣренный этотъ не только выигралъ гродненское дѣло, но ему удалось выхлопотать высочайшее повелѣніе, объявленное 6 марта 1817 года: „чтобы евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей по одному предразсудку, будто они имѣютъ нужду въ христіанской крови и что еслибы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ—безъ предубѣжденія однакожь, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови—то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи“ и пр. Сверхъ того мѣстному губернскому начальству сдѣлано было высочайшее замѣчаніе. Гродненское дѣло, по настоянію мѣстнаго прокурора, было возобновлено чрезъ 10 лѣтъ и крещенный еврей Савицкій вызвался изобличить жидовъ. Государственный совѣтъ положилъ дѣло прекратить, какъ за 10-лѣтнюю давностью, такъ и потому, что „такого рода изслѣдованія возбранены помянутымъ высочайшимъ повелѣніемъ“ ¹⁾.

¹⁾ Въ числѣ сочиненій, прочитанныхъ авторомъ „Разысканія“, не было ему извѣстно одно, знаменитаго богослова Герреса (Götte) подъ заглавіемъ: „Mystique divine, naturelle et diabolique“. Въ томъ, трактующемъ о сей послѣдней мистикѣ (IV), цѣлый отдѣлъ посвященъ разсказамъ объ убіеніи евреями христіанскихъ дѣтей. Самый древній изъ этихъ разсказовъ упоминаетъ о случившемся въ Англіи, въ 1144 году, похищеніи и умерщвленіи ребенка Виліама Норвича. Затѣмъ подобные случаи послѣдовали во Франціи въ 1171 и 1179 годахъ, въ Англіи въ 1181. По доносамъ королю Филиппу-Августу, что евреи каждый годъ, къ своему празднику Пасхи (Пейсахъ), умерщвляютъ по крайней мѣрѣ по одному христіанскому ребенку, всѣ они въ 1182 году были изгнаны изъ Франціи; однакожь въ 1198 году эдиктъ объ этомъ былъ отмененъ. Между тѣмъ, въ отмщеніе за свое изгнаніе, евреи въ городѣ Бриеннѣ, поймали двухъ христіанъ, бичевали ихъ, вѣнчали терновыми коронами и наконецъ распяли, за что 82 евреевъ были сожжены. Въ теченіе всего XIII вѣка повторяются обвиненія евреевъ и казни за преступленія того-же рода. По обвиненію въ похищеніи и профанаціи св. причастія и въ распятіи христіанскаго младенца, евреи въ 1492 году были изгнаны изъ Испаніи и т. д. и т. д. У Герреса исчислено еще много другихъ примѣровъ, но мы ограничимся тѣми, которые здѣсь приведены.

По поводу дѣла, внушившаго графу Перовскому мысль порученія про- извести извѣстное разысканіе, этотъ министръ обращался къ министру статсъ-секретарю Царства Польскаго, края, гдѣ населеніе еврейское столь многочисленно, съ вопросомъ: какія въ дѣлахъ Царства могутъ быть свѣдѣнія по настоящему предмету? Дѣйствительный тайный совѣтникъ Туркулъ отвѣчалъ, что въ Царствѣ, особенно въ прежнее время, производилось не мало дѣлъ по обвиненію евреевъ въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей и также не мало было уличенныхъ по тогдашнимъ формамъ процедуры и казненныхъ евреевъ. Но самый замѣчательный случай имѣлъ мѣсто въ XVIII вѣкѣ въ городѣ Ка-

Уполномоченный отъ евреевъ по гродненскому дѣлу былъ богатый еврей Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда, Зундель Зонненбергъ. По окончаніи съ такимъ торжественнымъ выгрышемъ дѣла, для котораго пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ выпросилъ для себя громкое офиціальное званіе „депутата еврейскаго народа“ и оставался въ столицѣ для ходатайства по всякимъ жидовскимъ дѣламъ, доходившимъ до сената и государственнаго совѣта. Какъ обыкновенно съ людьми этой расы бываетъ, успѣхи развели въ Зунделѣ громадную фанаберію. Онъ вообразилъ себѣ, что званіе депутата „народа“ ставитъ его наравнѣ съ иностранными послами, держалъ себя и поступалъ согласно съ этой мечтою. Въ этой роли онъ былъ очень смѣшонъ; но располагалъ большими деньгами, а съ ними позволяется быть и смѣшнымъ: „la cara todo tара“, какъ говорятъ испанцы.

Между тѣмъ, въ самый разгаръ такой полезной дѣятельности израильскаго посланника, съ нимъ самимъ, въ 1821 году, случилась страшная невзгода; а всему оказался виновникомъ древній проказникъ Купидонъ... Единственная дочь Зунделя, хорошенькая Ліа, страстно влюбилась въ сосѣда, помѣщика Волковыскаго уѣзда, Болтуца. Онъ увезъ ее изъ родительскаго дома, обратилъ въ христіанку и женился на ней. Ліа, страстно любимая отцомъ, не преминула въ память о немъ, захватить съ собою всѣ деньги, бывшія въ домѣ, и много цѣнныхъ вещей. По полученіи объ этомъ извѣстія, Зундель стремглавъ поскакалъ изъ Петербурга въ Волковыскъ и затѣялъ дѣло съ похитителемъ дочери; но никакого удовлетворенія не получилъ. Бракъ былъ законный, Ліа была совершеннолѣтняя и заявила твердую рѣшимость остаться католичкою.

Зундель, убитый горемъ, не возвращался уже въ Петербургъ; тамъ признано наконецъ неумѣстнымъ, по крайней мѣрѣ ненужнымъ, имѣть офиціального представителя жидовскихъ интересовъ.

лишѣ. Онъ былъ такъ возмутителенъ, что по наказаніи виновныхъ состоялось сеймовое постановленіе, вслѣдствіе котораго обитавшіе въ Калишѣ евреи на вѣчныя времена обязаны были, въ годовщину совершенія преступленія, собираться всѣ босоногіе, въ смертныхъ рубашкахъ (саванахъ), съ веревочными петлями на шеѣ, съ зажженными свѣчами въ рукѣ, и девять разъ обойти вокругъ собора. Эта искупительная церемонія практиковалась до самаго раздѣла Польши.

О. П.

Эту историческую личность я видѣлъ въ первый и въ послѣдній разъ въ городѣ Слонимѣ, по слѣдующему случаю.

Тамъ, въ одну темную ночь, главная въ городѣ церковь канониковъ регулярныхъ (монашествующихъ) была до чиста ограблена. Городничій Конопка открылъ, что кража была сдѣлана четырьмя жидами, слѣдовавшими изъ Могилева чрезъ Слонимъ въ мѣстечко Зельву на большую ярмарку, куда ежегодно въ августъ отовсюду стекались всякіе мошенники. По тщательнымъ розыскамъ городничему удалось поймать воровъ на дѣлѣ съ личнымъ, когда они ночью, въ погребѣ одной жидовки, дѣлились между собой добычу, ломали и распиливали кресты и священныя сосуды. Всѣ они, вмѣстѣ съ хозяйкой погреба, были посажены въ острогъ. При этомъ открылось, что подъ цѣлымъ кварталомъ города, занимаемымъ домами евреевъ, называемымъ „Школьный дворъ“, устроены подземные ходы, въ видѣ погребовъ, которые, какъ парижскія катакомбы, сообщались одни съ другими, составляя одно большое подземелье. Этимъ объяснилось, почему многіе кражи въ городѣ оставались неоткрытыми. Такимъ образомъ слонимскіе жида составляли настоящее тайное общество и не безъ основанія можно предполагать, что подобныя подземелья должны существовать и въ другихъ городахъ, гдѣ еврейское населеніе занимаетъ отдѣльные кварталы. Слонимскіе жида, въ отчаяніи, что ихъ собратья попались въ тяжкомъ преступленіи и съ собственнымъ ихъ племени шовинизмомъ увѣренные во всемогуществѣ Зунделя, находившагося въ то время въ Волковыскѣ, вызвали его оттуда для спасенія упомянутыхъ воровъ. Зундель былъ настолько глупой самонадѣянности, что послушался этого вызова и пріѣхалъ въ Слонимъ прямо къ городничему. Все жидовское населеніе собралось предъ домомъ послѣдняго, шумно приветствуя своего покровителя, и ожидало на улицѣ исхода переговоровъ, въ успѣхъ которыхъ не сомнѣвалось. Я былъ свидѣтелемъ сцены, когда Зундель, со смѣшною важностью, выговаривалъ городничему его „поспѣшность“ въ арестованіи евреевъ, такъ какъ ихъ народъ пользуется теперь благосклонностью власти, при чемъ не преминулъ намекнуть о своемъ кредитѣ въ столицѣ. Наконецъ потребовалъ формально, чтобы „подозрѣваемые въ кражѣ“, какъ онъ выразился, были немедленно освобождены, угрожая даже отвѣтственностью за поспѣшность въ ихъ арестованіи. Но Конопку,

бывшаго полковника наполеоновской арміи, отличившагося въ испанской кампаніи, напугать было не легко. Онъ началъ съ того, что велѣлъ полицейскимъ разогнать нагайками жидовскій митингъ, а затѣмъ, обратясь къ Зунделю, сказалъ: „вы вѣрно хотите пошутить, господинъ депутатъ еврейскаго народа, помогаясь увольненія воровъ, пойманныхъ лично мною на дѣлѣ и сознавшихся въ преступленіи. Можете быть увѣрены, что хотябы и вы взялись ихъ защищать, они получаютъ заслуженное число ударовъ кнутомъ и будутъ сосланы въ Сибирь. Совѣтую вамъ не расходовать вашего кредита на подобныя дѣла“. Зундель послушался благого совѣта и уѣхалъ обратно, оставивъ своихъ слонимскихъ единовѣрцовъ въ крайнемъ недоумѣніи отъ такой неудачи.

Приведенныя подробности довольно характеристичны, чтобы по этому случаю сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое жидовскій умъ, какъ мы его съ давняго времени изучили.

Еврей, безспорно, народъ интеллигентный, но признать это можно только условно и съ необходимыми оговорками, такъ какъ есть различныя роды интеллигенцій, а въ нихъ и различныя степени. Съ самаго юнаго, даже съ дѣтскаго возраста, ихъ заставляютъ выучивать чрезвычайно сложный кодексъ ихъ вѣроисповѣданія, гдѣ основныя догматы моисеева закона перепутаны и извращены многими нелѣпыми толкованіями и произвольными дополненіями комментаторовъ, авторовъ талмуда. Это начало образованія, съ одной стороны, заставляя ученика много мыслить и многое помнить, развиваетъ въ немъ эти способности, но съ другой, запутываетъ ихъ и даетъ имъ ложное направленіе, такъ какъ то, надъ чѣмъ мышленіе и память упражняются, нелѣпо. Такое первоначальное воспитаніе не можетъ не повліять на всю интеллектуальную жизнь субъекта, на складъ его ума и его отправленій. Къ тому же талмудъ учить чуждаться и ненавидѣть иновѣрцовъ и даже не считать ихъ за ближнихъ ¹⁾, и представляя евреямъ первенствующимъ въ человѣчествѣ народомъ, развиваетъ громадное самообожаніе, гордость, чувство самое вредное для правильнаго мышленія. Вмѣстѣ съ этимъ страстное любостязаніе составляетъ

¹⁾ Талмудъ, книга Сенхедринъ, раздѣлъ 7, листъ 59, а также многія мѣста какъ въ самыхъ талмудахъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ раввиновъ.

главный фундаментъ характера и также, какъ всякая страсть, дурно вліяетъ на отправленіе разума. Изъ всего этого хаоса нелѣпостей, исключительности, жадности, неоправданной гордости, выражается своеобразный процессъ мышленія, логика *suī generis*, нисколько не похожая на обыкновенную, имѣющую извѣстный методъ и ведущую прямо къ предполагаемой цѣли. Силлогизмы же еврейской логики сразу озадачиваютъ своею эксцентричностью, но не убѣждаютъ; въ нихъ выдаются слабыя и даже смѣшныя стороны. Въ выводахъ сквозитъ почти всегда неискренность, есть что-то неполное, недосказанное, но за то много лишняго.

Эта характеристика почти безъ исключенія отличаетъ складъ ума евреевъ, даже и тѣхъ, которые приняли христіанство, и даже по закону атаксизма (наслѣдственности)—нихъ потомковъ. Кто пожелалъ бы провѣрить справедливость сказаннаго здѣсь, тому предлагаемъ послушать въ нынѣшнихъ гласныхъ судахъ рѣчи адвокатовъ іерусалимскаго происхожденія. Въ нихъ есть и много неумѣстнаго пафоса съ атаксическою жестикულიаціею, и логическіе приемы, болѣе или менѣе натянутые („*tirés par les cheveux*“, какъ говорятъ французы), всегда различные отъ тѣхъ, которые въ данномъ случаѣ были бы употреблены не евреями. Та же родовая закваска отзывается (*mutatis mutandis*) и въ хитро-мудрыхъ аргументаціяхъ тенерешняго (писано въ 1878 г.) британскаго перваго министра, графа Биконсфильда, бывшаго д'Израиля.

Евреи хвастаютъ своею образованностью; это можетъ быть справедливо относительно ихъ единовѣрцовъ, живущихъ въ другихъ европейскихъ странахъ, но отнюдь не тѣхъ, которые съ давняго времени населяютъ бывшую Польшу, а теперь начинаютъ населять и великороссійскіе города. Эта образованность вся черпнута изъ ихъ талмуда, который они считаютъ альфою и омегою всѣхъ знаній. Но они чужды обще-европейскому образованію. Наглядный примѣръ этому я видѣлъ въ 1851 году въ Варшавѣ. Тамъ, въ іюнѣ, имѣло мѣсто полное солнечное затмѣніе. Даже простые мѣщане съ спокойнымъ любопытствомъ разсматривали рѣдкое явленіе; евреи же собрались въ массѣ за городомъ на возвышеніи, и когда въ срединѣ затмѣнія сдѣлалось темно, то огласили окрестность отчаянными воплями, ожидая свѣтопредставленія. Не смотря на такое незнаніе астрономіи, надъ простымъ народомъ славянскаго корня евреи всегда и вездѣ имѣютъ

неоспоримое превосходство, а причина тому, что евреи свободны отъ двухъ славянскихъ недостатковъ: лѣни и пьянства. О послѣдствіяхъ этого преимущества для нашего простого народа излишнимъ было бы распространяться; эти неутѣшительныя послѣдствія всѣмъ извѣстны. Да и высшіе, образованные классы въ городахъ, населенныхъ жидами, не свободны отъ ихъ вліянія. Еще князь Г. А. Потемкинъ мѣтко называлъ ихъ „навигаціей Польши“. Если и согласиться съ этой характеристикой, то надо прибавить, что эта навигація всегда обходилась и обходится полякамъ слишкомъ дорого, дороже всякаго флота. Въ 1875 году я имѣлъ въ рукахъ замѣчательную книгу подъ заглавіемъ „жидовскіе багалы“. Авторъ съ полнымъ знаніемъ дѣла описываетъ подробно средства и приемы, употребляемые евреями для упроченія за ними ихъ негласнаго могущества. Если вѣрить автору, іудаизмъ составляетъ одно огромное тайное общество, государство въ государствѣ, (*status in statu*). Тамъ, гдѣ онъ водворенъ постоянно, всѣ хрістіане и другіе жители ходятъ подъ его властью безсознательно, опутанные, какъ паутиною, незримою, но крѣпкою сѣтью денежныхъ отношеній.

Въ древнее время между евреями составилаь было секта саддукеевъ ¹⁾. Ихъ вѣроисповѣданіе, вѣрнѣе ихъ программа, заключалась въ томъ, что они отвергали всѣ религіи, всѣ законодательства, всѣ государственныя и общественныя установленія. Конечно цѣлью этого раскола было возвращеніе рода человѣческаго къ состоянію природы, для котораго онъ созданъ, такъ, чтобы освободясь отъ всѣхъ стѣсняющихъ волю его узъ, онъ могъ безпрепятственно слѣдовать природнымъ, то есть чисто животнымъ, инстинктамъ. Читатель видитъ, что еврейскій саддукеизмъ—это точъ въ точъ современный нашъ коммунизмъ, интернаціональ, соціалъ-демократизмъ, нигилизмъ. Въ средѣ еврейскаго народа, саддукеизмъ, въ видѣ отдѣльной секты, уже не существуетъ, такъ какъ ученіе саддукеевъ сдѣлалось космополитическимъ и приняло размѣры повсемѣстнаго заговора противъ религіи, порядка и собственности. Въ наше время мы нерѣдко видимъ ужасающія проявленія этого адскаго плана въ фактическихъ злодѣяніяхъ. Есть одно ненапечатанное сочиненіе, въ которомъ доказывается, что

¹⁾ Упоминаемые въ евангеліи „книжники и фарисеи“ не составляли корпорациі: то были единичные лже-мудрецы и тартюфы. О. П.

полное осуществленіе саддукейской доктрины составляет теперь задачу и конечную цѣль одного древняго тайнаго общества, распространеннаго почти повсюду, скрывающагося до времени подъ благовидными формами ¹⁾).

Говоря объ іудаизмѣ, нельзя пройти молчаніемъ важнаго по своимъ послѣдствіямъ историческаго факта, случившагося во второй половинѣ прошедшаго вѣка.

Въ 1757 году пріѣхалъ изъ Валахіи въ Польшу еврей Іаковъ Франкъ, и заявилъ, что онъ намѣренъ ввести реформу въ еврейской религіозной доктринѣ, извращенной ученіями талмудовъ. Приверженцы послѣднихъ упрекали Франка въ невѣріи, онъ же поддерживаемъ былъ нѣкоторыми вліятельными особами. Наконецъ спорящіе согласились устроить публичное состязаніе передъ духовнымъ католическимъ судомъ во Львовѣ (Лембергѣ), съ тѣмъ, что побѣжденные должны будутъ принять римско-католическую вѣру. Франкъ, послѣ продолжительныхъ словопреній, призналъ себя побѣжденнымъ и вслѣдствіе этого былъ тогда же крещенъ со всѣми своими приверженцами; значительнѣйшія особы тамошняго края были крестными отцами неофитовъ. Изъ Львова Франкъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ вслѣдствіе его проповѣдей число евреевъ, принявшихъ христіанство, значительно умножилось и эти-то новые христіане и названы были франкистами. Какъ однакожъ стало извѣстнымъ, что Франкъ, собирая неофитовъ, рассказываетъ имъ о своихъ странныхъ видѣніяхъ, то онъ былъ допрашиваемъ въ духовномъ судѣ и показалъ, что до прибытія его въ Польшу, Іисусъ Христосъ и Ілья пророкъ являлись ему и приказывали обращать евреевъ. Судъ не подвергъ его наказанію, но въ предупрежденіе вреднаго вліянія его фантастическихъ разсказовъ, заключилъ его на время въ Ченстоховскій монастырь. По выходѣ оттуда, Франкъ отправился въ Австрію, гдѣ императрица Марія Терезія оказывала ему покровительство, желая помощью его обратить евреевъ своихъ подданныхъ въ христіанство. Франкъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Бруннѣ, затѣмъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Франкфуртъ, не переставая оставаться главою

¹⁾ Упомянутое здѣсь сочиненіе принадлежитъ перу самого покойнаго Осипа Антоновича Пржецлавскаго, которымъ онъ и былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни.

крестившихся по его внушенію франкистовъ, и получать отъ нихъ значительную субсидію. Въ Франкфуртѣ онъ зажилъ на подобіе маленькаго царя. У него, изъ его послѣдователей, были камеръ-геры, пажи и тѣлохранители, конвоировавшіе его въ поѣздкахъ. Франкъ умеръ въ 1797 году, былъ похороненъ по католическому обряду и на его могилѣ поставленъ крестъ.

Въ статьѣ журнала „Foreign Quarterly Review“ 1842 года, между прочимъ сказано: „По смерти Франка его дочь предводительствовала общинѣ франкистовъ. Увѣряютъ, что въ настоящее время, (1842 годъ) главою ихъ есть знаменитый адвокатъ, бывшій членъ послѣдняго (мятежническаго) польскаго сейма, живущій теперь въ изгнаніи во Франціи“.

Здѣсь авторъ статьи безъ сомнѣнія разумѣлъ покойнаго Воловскаго, знаменитаго ученаго, члена французской академіи, съ которымъ я познакомился въ Карлсбадѣ въ 1875 году. Но я слышалъ другую версію, именно, что преемникомъ Франка былъ одинъ варшавскій франкистъ Крысинскій, а по немъ главенство надъ общиною наследовалъ его сынъ Александръ, сдѣлавшійся очень извѣстнымъ въ Петербургѣ въ 1830 и 1840 годахъ. Объ немъ будетъ сказано ниже.

Далѣе авторъ статьи „Иностраннаго трехмѣсячнаго обозрѣнія“ пишетъ: „Нѣкоторые утверждаютъ, что франкисты только по наружности христіане, въ душѣ же остаются мазаитами. Разрѣшеніе этого сомнѣнія весьма трудно“ и пр. „Доктрина Франка никогда не была вполне изслѣдована. По слухамъ онъ научалъ, что пророкъ Ілія и Христосъ пребываютъ на землѣ и продолжаютъ назначать двѣнадцать апостоловъ, для распространенія христіанства“ и пр. Упрекаютъ франкистовъ въ исключительности и пристрастіи, съ какими они благопріятствуютъ не только лицамъ своей категоріи, но и некрещенымъ евреямъ“ и пр.

Какъ бы то ни было, учрежденіе секты франкистовъ имѣло важныя и въ общественномъ, и въ государственномъ отношеніяхъ послѣдствія. Неофиты Франка, изъ презираемыхъ паріевъ, сразу нашлись сравненными во всемъ съ дворянами, а это открыло имъ путь ко всевозможнымъ карьерамъ. Многіе не замедлили воспользоваться этимъ; достигли высокихъ служебныхъ положеній и въ самомъ Царствѣ Польскомъ, и за его предѣлами; многіе породнились съ древними дворянскими домами. Такимъ образомъ Франкъ

сдѣлался истиннымъ благодѣтелемъ своего племени и не безъ основанія нѣкоторые его послѣдователи признавали Франка ожидаемымъ евреями Мессіею.

Съ евреями-талмудистами, хассидами и другими сектантами разительный и отрадный контрастъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ немногочисленная отрасль израильской націи, еврей-каранты или каранимы. Они, какъ сами утверждаютъ, оставили Палестину и поселились въ турецкихъ владѣніяхъ еще до пришествія Іисуса Христа и потому проклятіе, которое сами на себя навлекли іерусалимскіе евреи, настаивая на преданіи Спасителя казни, сказавъ: „кровь его на насъ и на чада наши“, не распространяется на нихъ, каранимовъ. Они признаютъ Христа великимъ пророкомъ, праведникомъ, пострадавшимъ безвинно. Каранимы отвергаютъ всѣ талмуды и всѣ раввинскія толкованія священнаго писанія и строго соблюдаютъ лишь чистый моисеевъ законъ. Съ талмудистами они избѣгаютъ всякаго общенія.

Такой сепаратизмъ имѣлъ самыя благотворныя послѣдствія. Каранимы отличаются строгою честностью, добросовѣстностію, миролюбіемъ и чистотою нравовъ. Никогда не было ни одной развратной жевщины изъ этого племени. Въ мѣстахъ, гдѣ они обитаютъ съ давняго времени, какъ-то въ Крыму и двухъ литовскихъ городахъ: въ Трокахъ и въ Луцкѣ, не было примѣра, чтобы каранимъ обвинялся въ уголовномъ дѣлѣ или даже былъ къ нему прикосновенъ. Къ христіанамъ они не питаютъ никакого враждебнаго чувства. Многіе занимаются земледѣліемъ, тогда какъ талмудисты чувствуютъ къ нему непреодолимое отвращеніе.

Эти качества имѣли благопріятное вліяніе и на наружность каранимовъ; они представляютъ собою чистый семитическій типъ, замѣчательно красивый. Физіономія ихъ съ умнымъ, серьезнымъ выраженіемъ, не имѣетъ той весьма непріятной, стереотипной кислосладкой полу-улыбки, происходящей отъ какой-то особенности зигматического мускула, свойственной всѣмъ евреямъ талмудистамъ, отражающейся на лицахъ даже отдаленнѣйшихъ крещенныхъ ихъ потомкахъ. И тутъ еще приходится мнѣ сослаться на портреты лорда Биконсфильда ¹⁾.

¹⁾ Лицо англійскаго преміера имѣетъ почти родственное сходство съ лицомъ сдѣлавшагося въ 1830 и 1840-хъ годахъ извѣстнымъ въ Петербургѣ подрядчика Фейгина.

Говоря о фізіономіи євреєвъ, необходимо замѣтить, что все о ней сказанное не примѣняется къ ихъ женщинамъ. Лица послѣднихъ имѣють типъ болѣе разнообразный, болѣе благородный. Между ними есть много замѣчательныхъ красавицъ; въ областяхъ бывшей Польши особенною красотою отличаются еврейки городовъ Вильны, Бердичева, Могилева на Днѣстрѣ. Отъ единоплеменныхъ мужчинъ различаетъ евреекъ еще и то, что тѣ изъ нихъ, которыя приняли христіанскую вѣру и вышли за мужъ за христіанъ, не передають своему потомству жидовскаго типа, тогда какъ онъ упорно сохраняется въ фізіономіи даже отдаленныхъ потомковъ жида-мужчины. Такія преимущества женскаго пола надъ мужскимъ одного и того же племени религіозные писатели объясняютъ слѣдующимъ историческимъ фактомъ. Когда іерусалимскіе євреи съ такою настойчивостью домогались смерти Спасителя, женщины, въ противность кровожаднымъ трикотѣзамъ первой французской революціи и петролѣзамъ парижской коммуны, не принимали никакого участія въ богоубійственномъ дѣлѣ и даже, когда совершалось распинаніе Христа, то еврейки, присутствовавшія при этомъ, плачемъ и рыданіями протестовали противъ этого злодѣянія. Вслѣдствіе такого поведенія, женскій еврейскій полъ остался навсегда свободнымъ отъ проклятія, которое ихъ мужчины навлекли сами на себя и на своихъ потомковъ. Тоже самое обстоятельство повліяло на сохраненіе въ фізіономіи евреекъ прекраснаго семитическаго типа, который у мужчинъ подвергся такому неизящному извращенію.

Еще одна черта наружной характеристики евреевъ-мужчинъ. Прямой ростъ они сохраняють только въ молодости; послѣ 25—30 годовъ всѣ дѣлаются болѣе или менѣе сутуловатыми. Справедливость требуетъ прибавить, что тѣ изъ евреевъ, которые обратились въ христіанство по искреннему убѣжденію, содѣлываются ревностными примѣрными сынами церкви, какъ на примѣръ католическіе священники о. Ратизбонъ, о. Дракъ и другіе.

Возвращаясь къ графу Церовскому.

Изъ книги о жидяхъ, сочиненной по его приказанію, онъ, сколько мнѣ извѣстно, не сдѣлалъ никакого употребленія и дѣло, давшее поводъ къ этому приказанію, имѣло такія же послѣдствія, какъ и всѣ предшествовавшія, то есть никакого.

По возникновеніи крымской кампаніи, по инициативѣ, кажется,

графа Перовскаго, остававшася и министромъ удѣловъ, сформированъ былъ изъ удѣльныхъ крестьянъ баталіонъ стрѣлковъ императорской фамиліи. Перовскій былъ назначенъ командиромъ его съ званіемъ генералъ-адъютанта и постоянно уже щеголялъ въ красивомъ мундирѣ этого отборнаго войска ¹⁾.

VII.

Англійскія скаковыя лошади и русскія донскія.—Состязаніе лошадей въ 1824 г.

Съ давняго времени продолжался между русскими и англичанами споръ объ относительномъ достоинствѣ верховыхъ лошадей тѣхъ и другихъ. Споръ этотъ безпрестанно возобновлялся особенно за обѣдами въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ. Русскіе утверждали, что донскія казацкія лошади лучше и сильнѣе англійскихъ скаковыхъ и если послѣднія на маломъ разстояніи и могутъ иногда опередить донцовъ, то въ болѣе продолжительномъ бѣгѣ казацкія всегда останутся побѣдителями. Англичане утверждали противное въ обоихъ отношеніяхъ: и быстроты бѣга, и выносливости. Наконецъ въ 1824 году обѣ стороны согласились разсудить эту распрю рѣшительнымъ опытомъ и значительною суммою выигрыша. Съ обѣихъ сторонъ на пари было положено по стутысячъ рублей ассигнаціями. Составлено формальное условіе, а для того чтобы и качество выносливости было принято въ расчетъ и не могло дать повода къ дальнѣйшимъ спорамъ назначено разстояніе болѣе 80 верстъ, именно: отъ заставы въ Петербургѣ, до Гатчины и обратно. Состязающіеся должны были проѣхать въ арку гатчинскихъ городскихъ воротъ и оттуда повернуть въ обратный путь. У петербургской заставы и у гатчинской арки сидѣли судьи, депутаты отъ обѣихъ сторонъ. Въ условіи было оговорено, подъ честнымъ словомъ, что пари должно рѣшить споръ окончательно, что проигравшая сторона должна признать себя безусловно побѣжденною, что никакіе резоны къ оспариванію выигрыша и къ оправданію проигрыша не будутъ приняты и что

¹⁾ Намъ придется еще упомянуть о графѣ Перовскомъ по одному случаю изъ его управленія. (См. ниже о Крысинскомъ. О. П.

послѣ такой рѣшительной пробы никто не будетъ въ правѣ возобновлять споръ.

Весь Петербургъ былъ заинтересованъ исходомъ состязанія, но ближе зващіе дѣло были напередъ увѣрены въ выигрышъ англичанъ. Они вѣдь вообще играютъ на вѣрное. Какъ ни хороши донскія лошади, но прежде чѣмъ за ихъ честь рисковать 100,000 р., нужно было, не увлекаясь славянскимъ шовинизмомъ, припомнить какъ англичане выработали своихъ чистокровныхъ (pure-blood) скакуновъ. Для этого они, чуждые смѣшного пристрастія къ своимъ собственнымъ лошадямъ, въ теченіе 400 лѣтъ дѣлали всевозможныя пробы, скрещая всѣ лучшія породы, пока наконецъ не остановились на комбинаціи, не оставляющей ни желать, ни предвидѣть ничего лучшаго. При томъ же воспитаніе лошадей, предназначаемыхъ для скачекъ и ихъ всадниковъ, джокеевъ, доведено тамъ до совершенства.

Для этого знаменитаго международнаго пари русскими выписаны были съ Дона три прекрасныя лошади. Какъ звали двухъ — я забылъ, помню только, что тотъ конь, на которомъ главѣйше основаны были надежды, носилъ побѣдоносное имя Леонида. Англичанамъ прислали изъ Лондона двухъ коней, одинъ считался даже не первымъ, а вторымъ скакуномъ въ Англіи и имѣлъ многозначущую кличку Шарперъ (Sharper, то есть Шулерь), другой, второстепенный, назывался Нитрогенъ. Бѣгъ назначенъ былъ на 4 августа и, во избѣжаніе жары, долженъ былъ начаться въ 6 часовъ утра. Не смотря на такой ранній часъ, несмѣтное число петербуржцевъ въ экипажахъ и пѣшкомъ собралось у заставы въ ожиданіи небывалаго въ столицѣ сѣвера зрѣлища. Многіе зрители размѣстились въ различныхъ разстояніяхъ вдоль дороги почти до самой Гатчины. За даннымъ сигналомъ всѣ лошади пустились вмѣстѣ. Сначала, на первыхъ верстахъ, всѣ онѣ шли ровно. Затѣмъ, какъ рассказывали стоявшіе на дорогѣ, Леонидъ, понуждаемый своимъ джокеемъ, молодымъ казакѣмъ, сталъ значительно опережать соперниковъ. Немолодой, опытный джокей Шарпера, напротивъ, не пуская его въ полный бѣгъ, старался только удерживаться въ одинаковомъ отъ Леонида разстояніи. Онъ очевидно сберегалъ силы своего коня, думая болѣе объ обратномъ пути, на которомъ поединковъ долженъ былъ рѣшиться. Не доѣзжая Гатчины, онъ даже сошелъ съ коня, вы-

теръ его всего шерстяною попоною, и влилъ ему въ горло бутылку гоголь-моголя изъ яицъ и рома. Въ Гатчину онъ пріѣхалъ не много послѣ казацкой лошади.

Только на возвратномъ пути Шарперъ сталъ опереживать Леонида и держать его позади себя въ отдаленіи, увеличивающемся съ каждою минутою. Казацкія лошади давали уже признаки усталости, англійскія же были свѣжи и бодры. Наконецъ Шарперъ, а вскорѣ за нимъ и Нитрогенъ, прискакали первыми къ петербургской заставѣ, казацкія же лошади далеко отстали, а изъ нихъ Леонидъ на цѣлыхъ семь верстъ. Одна изъ донскихъ лошадей потеряла подковы и захромала, третья пришла едва живая и на другой день пала.

Такъ рѣшился многолѣтній споръ.

Передъ началомъ бѣга между несмѣтнымъ числомъ пріѣхавшихъ изъ города зрителей завязалось множество пари, нѣкоторые изъ нихъ на значительныя суммы; я выигралъ 50 р., держа за Шарпера.

На третій день послѣ этого бѣга, была новая скачка, въ которой большею частью состязались англійскія лошади, а между ними прекрасная кобыла Луга, графа Матусевича, російскаго посланника въ Лондонѣ. Жеребецъ Шулеръ вновь обыгралъ всѣхъ на большую сумму ¹⁾.

VIII.

Княгиня Софья Григорьевна Волконская—жена министра императорскаго двора, фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго.

Княгиня Софья Григорьевна Волконская, рожденная княжна Рѣпнина, статсъ-дама, жена министра императорскаго двора, фельдмаршала князя Петра Волконскаго, жила почти постоянно въ чужихъ краяхъ, большею частью въ Парижѣ.

Она изрѣдка пріѣзжала въ Петербургъ и хотя состояла съ мужемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но жила всегда въ домѣ

¹⁾ Въ одинъ изъ 1850-хъ годовъ имѣло мѣсто въ Каирѣ, по вызову хедива, состязаніе англійскихъ лошадей съ арабскими чистой крови. Выиграли англійскія.

дочери своей, Алины, въ замужствѣ Дурново, на Англійской набережной. Жена моя, дочери ея отъ перваго брака, дѣвицы Хвостовы и я были близко знакомы съ княгиней. Она также часто бывала у овдовѣвшей въ 1846 году княгини Любецкой и была постоянною сотрапезницей четверговыхъ обѣдовъ послѣдней.

Княгиня Софья Григорьевна и по происхожденію своему, и по положенію—аристократка и вполнѣ великосвѣтская дама, была при томъ одарена замѣчательнымъ умомъ, отличалась необыкновенно серьезною начитанностью, много путешествовала, вращалась всегда въ высшихъ кругахъ общества, въ интимной же бесѣдѣ очаровывала непринужденностью, отсутствіемъ всякой натынутости. Когда я зналъ ее въ 1840-хъ годахъ, княгинѣ было уже подъ 60, а можетъ и за 60 лѣтъ, но физическою бодростью, свѣжестью ума и памяти она превосходила многихъ молодыхъ женщинъ.

Княгиня Софья была очень добрая особа, усердно помогала своимъ вліяніемъ всѣмъ, которые къ ней обращались и которыхъ признавала заслуживающими ея покровительства. Многіе достойные люди обязаны ей своей карьерой. Къ нуждающимся въ матеріальной помощи она была даже щедра и не малая часть значительныхъ ея доходовъ обращается на добрыя дѣла ¹⁾. А вмѣстѣ съ тѣмъ, по дивному контрасту, она была скупа до крайности, до смѣшнаго. Объ этомъ есть много анекдотовъ; приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе характеристичные.

Я сказалъ уже, что княгиня Софья бывала на еженедѣльныхъ обѣдахъ княгини Любецкой. Въ одинъ четвергъ, когда мы всѣ, обыкновенные гости, собрались уже къ 5 часамъ, княгини Волконской еще не было. Хозяйка, знавшая ея аккуратность, удивлялась этому и объявила, что подождетъ еще четверть часа (*le quart d'heure de grâce*).

Минуть чрезъ десять послышался звонокъ и ожидаемая гостья вошла въ прихожую. Хозяйка вышла къ ней на встрѣчу, но гостья просила ее не беспокоиться и сказала, что пойдетъ на минутку по корридору и возвратится немедленно. Супъ уже былъ на столѣ, когда княгиня возвратилась; минутную ея отлучку всѣ

¹⁾ Въ одномъ случаѣ она пожертвовала въ пользу бѣдныхъ 30,000 франковъ.
О. П.

приписывали наиболѣе естественной причинѣ, но какъ послѣ оказалось — всѣ ошибались.

Бесѣда за обѣдомъ была оживленно-веселая и въ ней по обыкновенію расходовалось не мало того, что по французски называется *esprit*. Когда часа чрезъ два княгиня Софья уѣхала, то горничная княгини Любецкой объяснила значеніе экскурсіи госты передъ обѣдомъ. Княгиня Софья вручила ей пустую бутылку, прося сходить въ кухню и, наполнивъ ее бульономъ, отдать ей при отъѣздѣ. Наша хозяйка нисколько этимъ не была удивлена, зная, что ея пріятельница имѣла обыкновеніе, когда пила у ней чай, наполнять свои карманы сахаромъ и печеніями. Бульонъ же, по всему вѣроятію, былъ предназначенъ для больного старика г. Лебрена, которому княгиня Софья покровительствовала, помѣстила на службу при императорскомъ Эрмитажѣ и въ болѣзни навѣщала.

Во время первой всемірной выставки въ Лондонѣ, въ 1851 году, жена моя съ двумя дочерьми, дѣвицами Хвостовыми, была въ Парижѣ, гдѣ часто видывалась съ княгиней Волконской. Последняя собиралась на выставку и предложила барышнямъ ѣхать съ нею въ Лондонъ, разумѣется на ихъ же счетъ. Предложеніе это принято было съ восторгомъ. Княгиня имѣла брилліантовъ и другихъ драгоценностей на большую сумму. Не желая брать ихъ съ собою въ дорогу, она рѣшилась заложить все это за незначительную сумму въ парижскомъ ломбардѣ (*Mont de Piété*). Надо знать, что она обыкновенно одѣвалась болѣе, чѣмъ скромно. Когда княгиня, явась въ ломбардъ, развернула свою богатую коллекцію предъ чиновникомъ, принимавшимъ заклады, то дежурившій тамъ же агентъ сыскной полиціи не могъ не обратить вниманія на разительный контрастъ такихъ богатствъ съ бѣдностью наряда той, которая имѣла ихъ въ своихъ рукахъ. Онъ подождалъ совершенія заклада, но, послѣдовавъ за мнимой нищей, попросилъ ее отправиться съ нимъ къ полицейскому комиссару. Показаніе княгини, что она жена руссійскаго министра и фельдмаршала, вызвало лишь улыбку на устахъ полицмена. Дѣлать было нечего и только когда княгиня была отведена подъ стражею на свою квартиру и показала паспортъ, то очистилась отъ подозрѣнія.

Княгиня Волконская недолго оставалась на одномъ мѣстѣ и много путешествовала по Европѣ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ

по Швейцаріи, она заѣхала въ одинъ малый городъ, чтобы повидаться съ поселившимся тамъ стариннымъ своимъ другомъ, графомъ Остерманомъ. Графъ очень обрадовался ея пріѣзду и предложилъ княгинѣ прожить нѣкоторое время у него. Она приняла предложеніе; ей была отведена прекрасная комната, но съ тѣмъ, что должна сама заботиться объ ея отопленіи. Княгиня часто выходила въ городъ одна. Разъ, когда возвратилась съ прогулки и у Остермана были гости, графъ, встрѣтивъ ее въ передней, хотѣлъ снять съ нея плащъ, но она, не допустивъ этого, спѣшила въ свою комнату. Но увь, посреди этихъ церемоній, плащъ распался и изъ подъ него къ ногамъ графа выпало большое погѣно. Гости, заручившись имъ во время экскурсіи, несли для своей печки. Можно себѣ представить послѣдовавшую комическую сцену.

Вѣроятно также изъ экономическихъ видовъ княгиня Софья не имѣла горничной; обязанности ея исполнялъ при ней лакей, по имени Николай, который сверхъ того исправлялъ всѣ лакейскія должности и былъ довѣреннымъ лицомъ.

Кромѣ путешествій по Европѣ, Волконская совершила дальній вояжъ въ южную Сибирь для свиданія съ сосланнымъ туда братомъ ея, декабристомъ. На возвратномъ пути она была застигнута на Байкалѣ страшнымъ снѣжнымъ бураномъ и почти чудомъ спаслась отъ неминуемой гибели. Если вѣрить преданію, княгиня была нѣкогда красавицей; въ то время, когда я зналъ ее, она сохранила только прямую осанку, талію и умное выраженіе въ черныхъ глазахъ. Лицо же было смуглое, суровое и носило типъ, подъ которымъ обыкновенно воображаемъ себѣ волшебницъ, дополняемый порядочными усами.

При всѣхъ своихъ и физическихъ, и нравственныхъ эксцентричностяхъ, княгиня Софья Григорьевна Волконская была очень замѣчательная дама по своимъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ.

Предоставляемъ психологамъ объяснить сочетаніе въ характерѣ одной и той же личности такихъ противоположностей, какъ скарденная скупость съ благородствомъ чувствъ и щедрою благотворительностью.

IX.

Необъяснимое явленіе.

Теперь я намѣренъ разсказать бывшій со мною въ 1825 году странный случай. И тогда я не могъ, да и теперь не могу объяснить его никакими извѣстными намъ по наукѣ законами дѣйствующихъ въ природѣ факторовъ. Я могъ-бы назвать явленіе это сверхъ-естественнымъ, но считаю это слово выражающимъ понятіе ошибочное. Какъ-бы необычайно и дивно ни было явленіе, оно всегда естественно, такъ какъ за предѣлами естественности, то есть природы, ничего быть не можетъ. А если что нибудь кажется намъ переступающимъ за эти предѣлы, то это доказываетъ лишь, что мы еще не открыли и не изучили тѣхъ законовъ природы, которые управляютъ подобными явленіями. Приступаю къ разсказу.

Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ въ 1822 году, я жилъ постоянно вмѣстѣ съ другомъ моимъ, товарищемъ по университету, Александромъ Парчевскимъ. Во время происшествія мы квартировали въ извѣстномъ домѣ Іохима, въ бывшей Мѣщанской (теперь Казанской) улицѣ, напротивъ Столярнаго переулка. Квартира наша, въ 3-мъ этажѣ, расположена была слѣдующимъ образомъ. При входѣ съ лѣстницы малая передняя, изъ ней налѣво большая кухня, съ окномъ, выходящимъ на лѣстницу такъ, что въ него можно было видѣть то къ намъ приходитъ. Затѣмъ вторая передняя побольше первой. Она вела въ большую комнату, служащую намъ общею гостинною; изъ ней направо также общій кабинетъ, гдѣ каждый изъ насъ имѣлъ свое бюро. Налѣво изъ гостинной темная комната, общая наша спальня. Мы не обѣдали дома и въ кухнѣ помѣщался нашъ лакей Антонъ. Мы имѣли собаку, большого лагавого кобеля Бекаса. Песъ этотъ былъ замѣчательно смышленное животное, до того, что въ томъ, что его лично интересовало, онъ понималъ нашъ разговоръ. Уходя со двора вечеромъ, когда мы отправлялись къ близкимъ знакомымъ, то брали съ собой Бекаса, что ему доставляло большое удовольствіе. Въ другихъ случаяхъ онъ оставался дома. Когда мы собирались уходить, Бекасъ напряженно прислушивался къ нашимъ рѣчамъ, самъ научившись понимать ихъ. Если мы согласились

между собою, что онъ пойдетъ съ нами, то онъ впадалъ въ радостный восторгъ, прыгалъ по комнатамъ, подавалъ намъ шляпы и палки. Если же уразумѣлъ, что долженъ остаться дома, то съ грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ ложился подъ диванъ и въ негодованіи даже не провожалъ насъ до дверей. Еще одна въ своемъ родѣ единственная особенность. Ласками и наградами я приучилъ его нюхать и даже ѣсть табакъ. То, что сначала онъ дѣлалъ въ угоду мнѣ, съ отвращеніемъ, обратилось потомъ въ привычку и когда кто при немъ открывалъ табакерку, то Бекасъ подходилъ и движеніемъ хвоста упрашивалъ позволить ему лизнуть табакъ. Ночью это былъ самый чуткій стражъ.

Въ половинѣ октября товарищъ мой уѣхалъ на нѣсколько времени въ свое помѣстье въ Виленской губерніи, и въ квартирѣ остался я одинъ съ лакеемъ и съ собакой. Я велъ тогда жизнь довольно разсѣянную, бывалъ много въ свѣтѣ, но главное принадлежалъ къ кружку, гдѣ мы много играли, преимущественно въ самую занимательную игру „квинтичъ“; вслѣдствіе этого я возвращался домой очень поздно, иногда на слѣдующее утро, и вообще не ложился ранѣе третьяго или четвертаго часа. Однажды я заболѣлъ такъ называемою жабою (опаснымъ воспаленіемъ горла) и долженъ былъ оставаться дома; тогда я читалъ часа съ два въ постели.

Въ первую же ночь, такъ проводимую дома, я продолжалъ читать, въ постели, когда часы прозвонили „страшный часъ полуночи“. Бекасъ спалъ въ углу на своей подушкѣ. Только вдругъ вижу я, что онъ встаетъ съ глухимъ ворчаніемъ и съ глазами, устремленными на дверь спальни. Потомъ замѣчаю въ собакѣ признаки необыкновеннаго волненія и страха. Она подходитъ ко мнѣ, вся шерсть встала на ней дыбомъ, глаза обращены на дверь, и она продолжаетъ ворчать и трясется всѣмъ тѣломъ. Это меня тѣмъ болѣе удивило, что когда что-нибудь тревожило ее ночью, то она обыкновенно не ворчитъ, а громко лаетъ и бросается впередъ. Я остаюсь въ недоумѣніи, когда вдругъ раздается сильный стукъ во входную дверь и кто-то шевелить ручкою отъ замка, какъ-бы усиливаясь открыть эту дверь, запертую ключемъ. Я сначала подумалъ, не возвратился ли внезапно съ дороги мой товарищъ и, позвавъ лакея, спросилъ его: не видѣлъ ли онъ изъ своего окна, кто такъ поздно, не звоня, ломается въ дверь? За-

спаннѣй Антонъ принадлежалъ къ тому разряду слугъ, которые не много церемонятся съ своими господами, поэтому онъ и отвѣчалъ грубо: „Въ окно не видно никого, да и никого нѣтъ“. — „Кто же это стучитъ?“ — „А кто его знаетъ? Это уже пятая ночь. Если бы вы приходили домой раньше, то слышали-бы это не въ первый разъ. Мнѣ сначала страшно было и я попросилъ знакомаго лакея жильца со второго этажа ночевать со мною; теперь уже привыкъ, пусть его стучитъ“.

Я всталъ, взявъ свѣчу и пошелъ къ двери, позвавъ собаку, но Бекасъ вмѣсто того, чтобы слѣдовать за мною, вскочилъ на мою постель и забился подъ одѣяло. Я сперва удостовѣрился, смотря въ окно лакейской, что у моихъ дверей дѣйствительно никто не стоялъ, какъ между тѣмъ замочная ручка не переставала стучать, шибко подымаясь и опускаясь. Я отперъ внезапно дверь, думая поймать кого-нибудь, такимъ образомъ забавляющагося, но не было никого. Когда дверь стояла отворена, то ручка переставала двигаться. Мнѣ пришла мысль, что быть можетъ изъ квартиры напротивъ моихъ дверей или съ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, какой-нибудь шутникъ зацѣпилъ нитку за ручку и шевелить ею. Но по тщательному осмотру ничего подобнаго не оказалось. Антонъ между тѣмъ позволялъ себѣ подтрунивать надъ моими поисками. Какъ только дверь была опять заперта, ручка стала по прежнему сильно стучать. Я спросилъ, долго ли это будетъ продолжаться? Антонъ отвѣчалъ, что стучитъ обыкновенно четверть часа или двадцать минутъ и дѣйствительно вскорѣ все успокоилось. Тогда и Бекасъ возвратился на свою подушку. Признаюсь, что я не скоро послѣ этого заснулъ. На другой день я послалъ за управляющимъ домомъ. Нѣмецъ выслушалъ меня съ тевтонскою флегмою, потомъ сказалъ: „А, такъ это теперь у фась? Это ничефо, потерпите каспадинъ, это продолжается только нѣтълю. Такъ само пыло у товаторъ Сфотерусъ, у анкличанинъ Карръ, у тапакерѣчникъ Полле (Болль) ну, а теберъ у фась. Ну фѣрно опойдетъ фесь томъ“.

Я спрашивалъ доктора Сведеруса, и онъ рассказалъ мнѣ точно то же, что я слышалъ отъ моего Антона. Докторъ даже заставлялъ своего лакея спать ночью снаружи двери, а на лѣстницѣ караулилъ дворникъ, и все это не помѣшало дверной ручкѣ двигаться и лакей съ дворникомъ напрасно старались удержать ее;

неугомонная щекотка была сильнѣе ихъ обоихъ. У меня стучало еще двѣ ночи, но я уже не выходилъ къ двери и старался только успокоить дрожавшаго Бекаса. Я справлялся въ домовой конторѣ и узналъ, что послѣ меня другіе квартиранты испытывали то же самое.

Не угодно-ли кому нибудь изъ гг. официальныхъ „философовъ“ объяснить рассказанный здѣсь феноменъ, сдѣлавшійся въ свое время извѣстнымъ всѣмъ жильцамъ большого дома. Я буду много обязанъ тому, кто сообщитъ мнѣ удовлетворительную разгадку хотя бы одного того, что злой и очень чуткой собацѣ препятствовало залаять, слыша такой шумъ у двери, а заставляло ее дрожать и визжать со страха? Что до меня, то не пытаюсь объяснить настоящій случай извѣстными до сихъ поръ законами физической природы, приходится мнѣ только привести въ тысячный разъ слова Гамлета къ Горацію: „на небѣ и на землѣ есть много такого, о чемъ и не снилось нашимъ философамъ“ ¹⁾.

Х.

Иванъ Ивановичъ Излеръ.—Лѣто 1848 года.—Холера.—Цыгане.

Въ публичной жизни города Петербурга 1840-хъ, 1850-хъ и 1860-хъ годовъ очень видную роль игралъ извѣстный основатель единственнаго въ то время увеселительнаго заведенія, швейцарецъ Иванъ Ивановичъ Излеръ, нѣкогда одинъ изъ гарсоновъ извѣстной кондитерской Амбіеля. Онъ поистинѣ, въ отношеніи петербургской публики, сдѣлался тѣмъ, что при французскихъ стараго времени короляхъ называлось *ministre des menus plaisirs*.

Въ Новой деревнѣ, въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, состоявшемъ изъ дома, съ нѣсколькими большими залами, и довольно просторнаго сада, онъ устроилъ различныя увеселенія, концерты двухъ оркестровъ, театральныя представленія съ французскими шансонетками и танцами, фейерверки, полеты воздушныхъ шаровъ, акробатическія и гимнастическія упражненія, и т. п. Въ этомъ же локалѣ давались иногда по подпискѣ балы, на которые съѣзжались дамы и мужчины лучшаго столичнаго обще-

¹⁾ There are more things on heaven and earth, Horatio, than are dream'd of in our philosophy.

ства. Въ 1848 году Излеръ выписалъ изъ Москвы лучший хоръ цыганъ, а въ 1850-хъ годахъ хоръ швейцарскихъ пѣвицъ. Бывали и тирольскіе пѣвцы.

Садъ и залы минеральныхъ водъ открыты были ежедневно, цѣна за входъ была 50 к., въ бенефисы же 1 рубль. Буфетъ и ужинъ хорошіе. На удовольствія, предоставляемыя заведеніемъ Излера, собиралась всегда масса любителей; число ихъ доходило иногда до двухъ тысячъ. Въ саду болѣе помѣститься не могло. Надобно отдать справедливость антрепренеру, что въ такихъ многочисленныхъ сборищахъ не случалось никакихъ безобразій и скандаловъ. Не полагаясь на обыкновенную полицію, составъ и устройство которой были въ то время неудовлетворительны, Излеръ исходатайствовалъ себѣ позволеніе имѣть собственную полицію и ей, по распоряженію начальства, присвоены были, въ извѣстной мѣрѣ, права officialнаго учрежденія. Она, размѣщенная повсюду и тщательно наблюдавшая за подозрительными личностями, предупреждала и посягательство пикпocketовъ на чужіе карманы, и готовившіеся скандалы. Подгулявшихъ гостей, затѣвавшихъ неумѣстныя демонстраціи, выводила безъ церемоніи изъ сада и передавала въ руки стоявшимъ за воротами казеннымъ полиціянтамъ. Этимъ достигнуто было то, что даже дамы хорошаго общества безбоязненно посѣщали эти собранія.

Въ смутное время 1848 года, когда почти весь западъ Европы былъ взволнованъ революціями, а въ Петербургѣ свирѣпствовавшая вторая холера еще болѣе омрачила горизонтъ, заведеніе Излера много способствовало къ противодѣйствію, какъ деривативъ, мрачному настроенію общественной мысли. Эта своего рода заслуга оцѣнена была властью и изобрѣтательный предприниматель былъ ею поощряемъ и награждаемъ различными льготами.

Холера 1848 года въ жестокости не уступала той, которая впервые свирѣпствовала въ Петербургѣ въ 1831 году. Вотъ нѣкоторые замѣчанія, сдѣланныя и провѣренныя въ это вторичное нашествіе повѣтрія. Онѣ быть можетъ не бесполезны будутъ, въ числѣ другихъ данныхъ, для опредѣленія сущности и образа дѣйствій страшной, не вполне еще изслѣдованной, болѣзни.

Во все лѣто 1848 года не было ни раза громовой грозы и отсюда недостаточный процентъ озона въ массѣ атмосферическаго воздуха. То же самое было замѣчено и въ первую холеру.

Въ военной типографіи, заключавшей болѣе ста человѣкъ рабочихъ, всѣ изъ забракованныхъ солдатъ по слабосилію, тѣлеснымъ недостаткамъ или болѣзненнымъ припадамъ; изъ нихъ ни въ первую, ни во вторую холеру не заболѣлъ ни одинъ. Но вотъ какая была обстановка этой громадной печатни, занимавшей, съ квартирами чиновниковъ и рабочихъ, четыре этажа на одномъ изъ дворовъ зданія главнаго штаба. Въ самомъ низу единственной лѣстницы устроенъ былъ аппаратъ для производства освѣтительнаго газа. Этотъ приборъ и самый газъ издавали очень сильный и очень непріятный запахъ, продуктъ разлагаемаго каменнаго угля. Запахъ этотъ, наполнявшій всю лѣстницу, въ среднемъ этажѣ встрѣчалъ другую, почти равно тяжелую вонь. Тамъ помѣщалась мочильная типографіи, гдѣ смачивались водой сотни стоппъ бумаги, приготовляемой для печати. Она издавала изъ себя испаренія хлора, употребляемаго какъ фабрикатъ для бѣленія бумажной массы, и испаренія эти смѣшивались съ тѣми, которыя исходили изъ газометра. Въ самой рабочей печатни слышался сильный запахъ типографской краски. Комбинація ли этихъ ароматовъ, или одинъ который нибудь изъ нихъ застраховывалъ отъ холеры работавшихъ и жившихъ въ военной типографіи? (гдѣ печаталась издававшаяся мною въ то время газета), вопросъ этотъ пусть рѣшатъ спеціалисты.

Въ городѣ въ большомъ употребленіи были такъ называемыя сигаретки Распайля (Kasrail). Это были трубочки изъ слоновой кости, начиненныя мелкими кусками камфоры. Извѣстно, что докторъ Распайль считалъ камфору почти универсальною панацеею. Быть можетъ сигаретки эти и въ самомъ дѣлѣ охраняли отъ холеры, но положительно то, что отъ нихъ выкрошилось множество переднихъ зубовъ.

Я съ семействомъ жилъ тогда въ Новой деревнѣ; тамъ почти каждый день кто-нибудь умиралъ холерой, а врачей надобно было выписывать изъ города. На весь дачный околodoкъ Новой и Старой деревень, Черной рѣчки и Каменнаго острова былъ только одинъ докторъ Мянoвскій, жившій у графовъ Строгоновыхъ на ихъ дачѣ, да и его трудно было застать дома. У меня въ домѣ поваръ и няня, оба молодые и здоровые, умерли почти скоропостижно, ранѣе чѣмъ посланный въ городъ могъ привезти оттуда врача.

Я уже сказалъ, что въ Новой деревнѣ, въ заведеніи Излера, былъ хоръ цыганскихъ пѣвцовъ. Одинъ изъ объявленныхъ концертовъ былъ отмѣненъ потому, что примадонна Таня заболѣла холерою. На третій день послѣ этого я ѣхалъ въ городъ и, встрѣтивъ стараго цыгана Ивана, импрессарія хора, спросилъ его о Танѣ, которую считали уже умершею.—„Слава Богу, Таня здорова и сегодня будетъ пѣть въ концертѣ“, отвѣчалъ Иванъ.—Кто былъ докторъ?—„Намъ онъ не нуженъ, мы сами доктора“.—Чѣмъ же ее вылѣчили?—„Мы ее раздѣли, всю, съ головы до пятъ, крѣпко выскли крапивой, потомъ уложили въ постель, укутали въ двѣ шубы, и дали выпить два стакана горячаго морского пончу“.—Что такое морской пончъ?—„Это пополамъ ромъ съ водою и съ лимономъ. Она заснула крѣпкимъ сномъ, изъ нея во всю ночь лилась рѣка испарины. На утро вчера она встала здоровая, вчерашній день отдыхала, а сегодня будетъ пѣть“.

Не знаю, какъ описанное героическое леченіе покажется специалистамъ, однакожъ извѣстно, что сами они въ припадахъ холеры всячески стараются вызвать реакцію кожи и обильное выдѣленіе испарины, а въ настоящемъ случаѣ сухая крапивная ванна и морской пончъ какъ нельзя лучше достигали этой двойной цѣли.

Изъ бывшихъ въ Петербургѣ учителей гимнастики, фехтованія, знаменитыхъ силачей и акробатовъ всѣ заболѣвшіе холерой умерли и не могли быть спасены: доказательство, что тѣлесная сила не только не предохраняетъ отъ этой болѣзни, а напротивъ располагаетъ къ ней и дѣлаетъ ее неизлечимою. У гимнастовъ же вообще чрезмѣрное развитіе мускулярной системы достигается въ ущербъ нервной, такъ что послѣдняя притупляется и обрѣзается почти на бездѣйствіе. Изъ этого физиологи заключили, что дѣятельность нервной системы необходима для противудѣйствія холерѣ.

Не говоря о простомъ народѣ, котораго обыкновенная пища и питье располагаютъ къ холерѣ и даже причиняютъ ее, во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ смертныхъ случаяхъ съ лицами другихъ классовъ, болѣзнь вызвана была ими самими какъ бы нарочно. Оба лица, умершія изъ моей прислуги, не внимая предостереженіямъ домашняго доктора, наѣлись на ночь сырыхъ огурцовъ.

Графъ Г. К. въ жаркій день давалъ у себя обѣдъ на откры-

томъ балконѣ. Вмѣсто супа была ботвинья со льдомъ; выпито было много замороженнаго шампанскаго. Хозяинъ, не довольно еще этимъ прохлажденный, снялъ съ себя верхнее платье и такъ не малое время пробылъ на подушемъ къ вечеру вѣтрѣ. Онъ умеръ въ ту же ночь. Чиновникъ польскаго министерства З., атлетъ по тѣлосложенію, также послѣ сытнаго обѣда, раскрывши всѣ окна, простоялъ около получаса, безъ верхняго платья, на сквозномъ вѣтру. Умеръ на другой день, и т. д. и т. д. Почти никто не умеръ изъ тѣхъ, которые не позволяли себѣ никакихъ излишествъ и соблюдали нужныя предосторожности.

Въ то же время Излеръ выписалъ изъ Москвы лучшій хоръ цыганъ; это много оживило собранія на минеральныхъ водахъ.

Было время, когда въ публичной жизни Москвы цыгане составляли едва ли ни главный элементъ. Ими восхищалась до фанатизма золотая молодежь. Благодаря нѣкоторымъ романамъ, театральнымъ піесамъ и поэзіи байронѣвской школы, изъ цыганъ, особенно изъ цыганокъ, сдѣлали себѣ какіе-то мечтательные идеалы, далеко неосуществимые въ дѣйствительности. Но съ помощью моды, основанной на такихъ иллюзіяхъ, многія солидныя состоянія были поглощены въ погонѣ за этими мнимыми идеалами. Нашлись даже въ средѣ аристократовъ субъекты, которые поженились на цыганкахъ. Какія изъ нихъ вышли дамы въ кругу *high life*? не знаю, но сомнѣваюсь, чтобы изъ цыганскаго матеріала можно было создать что-нибудь похожее на великосвѣтскую особу. Цыгане—это племя, не признающее потребностей труда и образованія; поэтому они и остаются такими же парями, какими были за нѣсколько до того вѣковъ въ своемъ первоначальномъ отечествѣ, Индіи, и какими вѣроятно долго еще пробудутъ.

Какъ и ни интересна быть можетъ одиссея этой націи, сама она не можетъ внушать большого къ себѣ сочувствія. Они не сохранили яснаго о своемъ происхожденіи преданія; изъ исторіи извѣстно, что цыгане, считаемые въ Индіи парями, то есть самымъ низкимъ презрѣннымъ классомъ населенія, въ началѣ XV вѣка вышли изъ Индіи, чрезъ Аравію въ Египетъ, оттуда въ половинѣ того жъ вѣка часть ихъ пробралась въ Европу чрезъ Турцію и разсыпалась по Румыніи, Трансильваніи, затѣмъ они проникли въ Чехію, Польшу, Россію, а потомъ въ Испанію и

Англию. Въ Чехіи (Богеміи) они оставались довольно долго и отъ этой страны получили французское названіе богемцовъ (bohémien). Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о теперешнихъ цыганахъ имѣются въ сочиненіи англійскаго священника Барро ¹⁾. Зная, что они только наружно исполняютъ обряды церкви, господствующей тамъ, гдѣ кочуютъ, Барро положилъ себѣ задачею вывѣдать изъ истинную религію и затѣмъ обратить въ англійскихъ протестантовъ. Съ этою цѣлю, пользуясь типомъ своего лица, довольно близкимъ къ цыганскому, онъ убѣдилъ шотландскихъ цыганъ, что происходитъ изъ ихъ племени, и кочевалъ сперва съ шотландскими, потомъ съ андалузскими, трансильванскими и наконецъ съ русскими цыганами. Въ своемъ намѣреніи сдѣлать ихъ англичанами Барро не успѣлъ; но выучился ихъ языку и вывѣдавши все, что они сами знаютъ, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: цыгане не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакой определенной религіи. О Богѣ имѣютъ смутное понятіе, вѣрованіе же ихъ состоитъ изъ странныхъ суевѣрій, можно сказать, что вѣруютъ болѣе въ злого духа, чѣмъ въ Бога. Но и къ этимъ вѣрованіямъ, также какъ и ко всему, относятся съ безучастіемъ. Исторіи своей не знаютъ и не стараются узнать, или о выходѣ своемъ изъ Египта разсказываютъ нелѣпыя легенды, да и онѣ, по мнѣнію Барро, сочинены не ими. Основую характера цыганъ есть непреодолимая лѣнь, отвращеніе къ оскѣдлой жизни и ко всякому труду. Кочуютъ такъ называемыми таборами, нѣтъ въ родѣ клановъ или поколѣній. Сохраняютъ чистоту нравовъ и супружескую вѣрность, но нарушеніе при всякомъ удобномъ случаѣ седьмой заповѣди не считаютъ грѣхомъ. Мушны занимаютъ барышничествомъ, и достигли совершенства въ искусствѣ скрывать пороки и недостатки лошадей. Женщины промышляютъ ворожбою. Единственнымъ честнымъ ихъ заработкомъ есть составленіе пѣвчихъ хоровъ. Въ нихъ одна изъ отличительныхъ особенностей то, что ни одинъ изъ составляющихъ хоръ субъектовъ не знаетъ музыкальной грамоты; всѣ поютъ и акомпанируютъ себѣ на гитарѣ не по нотамъ, а по навыку и по наслышкѣ, руководимой природнымъ инстинктомъ гармоніи. Голоса вообще подобраны хорошо, между мужчинами слышны замѣчательные басы;

¹⁾ Barrow's account of the Gypsies of Spain. 1841.

женскіе же сопрано, особенно примадоннѣ, имѣютъ совершенно своеобразный тембръ серебристый и изнѣженный, сильно дѣйствующій на нервы. Ансамбль всегда безукоризненный и, не смотря на то, что никто изъ поющихъ не знаетъ нотъ, никогда въ хорѣ не прорвется фальшивая нота. Все, что они поютъ, сочинено нарочно для нихъ хорошими композиторами, даже бравурныя піесы, называемыя въ афишахъ цыганскими пѣснями, принадлежатъ русскимъ музыкантамъ.

Смуглыя фізіономіи цыганъ очень выразительны и такъ какъ они не смѣшиваются съ другими расами, то ихъ типъ остается всегда характеристичнымъ, такъ что національность ихъ узнается съ перваго взгляда. Между женщинами есть много красивыхъ и, что замѣчательно, профиль ихъ лицъ совершенно сходенъ съ профилемъ египетскихъ сфинксовъ и можно подумать, что во время пребыванія цыгановъ въ Египтѣ, типическія лица ихъ женщинъ послужили ваятелямъ моделью для лицъ этихъ символическихъ чудовищъ, стерегущихъ мѣстные храмы и пирамиды.

Цыганскіе концерты въ заведеніи минеральныхъ водъ привлекали многочисленную публику. Примадонна тогдашней итальянской оперы, извѣстная г-жа Віардо, пріѣзжала слушать эти концерты и отзывалась объ нихъ съ похвалою. Быть можетъ, что они имѣли для ней нѣчто родное; лицо мадамъ Віардо и сестры ея, знаменитой мад. Малибранъ, имѣло цыганскій типъ, да и фамилія ихъ отца, Гарсія (Garsia), встрѣчается между андалузскими цыганами. Европейской славы львица, прославившаяся въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ Лолла Монтесъ (Lolla Montes) была дочь андалузскаго цыгана и ирландка. (См. мои воспоминанія о Туркулѣ, „Русская Старина“, томъ XIV, изд. 1875 г., декабрь).

Я зналъ въ Петербургѣ трехъ субъектовъ цыганскаго происхождения, но уже имѣвшихъ по предкамъ польское дворянство. Одинъ изъ нихъ состоялъ на службѣ и даже достигъ генеральскаго чина; два другіе были ходатаями по дѣламъ. И фізіономіи, и характеры ихъ свидѣтельствовали о ихъ происхожденіи; дочь одного была чистокровная красивая цыганка.

Заведеніе Излера приносило ему каждый день хорошій доходъ. Онъ собралъ значительныя деньги и широко пользовался своими средствами. Въ 1851 году я былъ въ Варшавѣ, въ бытность тамъ государя Николая Павловича и государыни Александры Федо-

ровны. Туда же приѣхалъ и тогдашній министръ финансовъ, Вронченко. Онъ, съ скромнымъ своимъ экипажемъ, городскою двухмѣстною коляскою, остановился въ Англійской гостинницѣ и занялъ также скромный номеръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его въ ту же гостинницу заѣхалъ слѣдовавшій изъ Петербурга за границу Иванъ Ивановичъ Излеръ. У него были три кареты; въ одной ѣхалъ самъ онъ, а въ двухъ другихъ одалися изъ его гарема. Онъ занялъ три лучшихъ номера. Вся Варшава замѣтила такой разительный контрастъ обстановки двухъ путешественниковъ съ ихъ общественнымъ положеніемъ.

Дѣла заведенія минеральныхъ водъ шли такъ хорошо, что предприниматель могъ бы себѣ составить порядочное состояніе; но онъ кутилъ, сорилъ деньгами и игралъ съ шуллерами. Это окончилось полнымъ банкротствомъ.

ХІ.

Тайный совѣтникъ Александръ Гавриловичъ Политковскій
въ 1835—1853 гг.

То, что имѣю рассказать, такъ, во многихъ отношеніяхъ, похоже по своей чудесности на одну изъ народныхъ фантастическихъ сказокъ о царевнахъ и царевичахъ, о Бабѣ-Ягѣ и Кошеѣ-безсмертномъ, что можно бы начать обыкновеннымъ: въ „нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ“ и т. д. Но я скажу просто, что „не на небѣ, а на землѣ“ и именно въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ, жилъ былъ нѣкто Александръ Гавриловичъ Политковскій, тайный совѣтникъ, директоръ канцеляріи комитета 18-го августа 1814 года, (призрѣнія военныхъ инвалидов) ¹⁾. По этому званію, довольно скромному, и значеніе носящаго его чиновника казалось-бы очень ограниченнымъ. При всемъ томъ этотъ директоръ маленькой канцеляріи такъ повліялъ на общественную жизнь столицы, стоустую молву заставилъ такъ

¹⁾ Въ сочиненіи „Русскіе уголовные процессы“ изданіе А. Любавскаго, Спб., 1868 г., помѣщено дѣло о Политковскомъ. Оно изложено по официальнымъ даннымъ, обнаруженнымъ произведенными слѣдствіями и заключаетъ одни факты и цифры. Нашъ рассказъ, излагающій подробности, которыя не могли войти въ официальный отчетъ, послужить дополненіемъ и разъясненіемъ статьи г. Любавскаго. О. П.

много о себѣ говорить, что въ хроникѣ Петербурга время съ 1835 по 1853 годъ можно бы назвать временемъ Политковскаго. Онъ доказалъ на себѣ справедливость изрѣченія, что „не мѣсто человѣка, а человѣкъ мѣсто дѣлаетъ знаменитымъ“ — въ томъ или въ другомъ отношеніи.

Онъ былъ сыномъ сенатора, состоянія не имѣлъ никакого. Началъ службу въ цензурномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; отсюда перешелъ въ бывшій главный штабъ по военнымъ поселеніямъ, затѣмъ, въ 1831 г., поступилъ въ канцелярію комитета 18-го августа 1814 года начальникомъ отдѣленія; въ юнѣ 1835 года назначенъ правителемъ, а въ 1839 году наименованъ директоромъ этой канцеляріи. Предшествующіе фазисы его карьеры не представляютъ ничего замѣчательнаго; о нихъ упоминается лишь для полноты данныхъ, знаменитость же его начинается со времени назначенія въ должность начальника канцеляріи. Въ чемъ заключалась и какого рода была эта знаменитость—покажетъ дальнѣйшій рассказъ.

Жена моя была давно и близко знакома съ семействомъ Политковскихъ; чрезъ нее я познакомился и сблизился съ Александромъ Гавриловичемъ и четырьмя его братьями; изъ нихъ Владиміръ, по смерти генерала Геруа, былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса инженеровъ. Всѣ они были люди образованные и пріятные.

Герой настоящаго рассказа, Александръ, въ 1830-хъ годахъ женился и взялъ за женою 100,000 р. ассигнаціями приданаго. Это былъ весь фондъ молодой четы. Но преобладающею страстью мужа было желаніе жить пышно и производить большой эффектъ. При томъ же онъ велъ большую игру въ карты, преимущественно въ англійскомъ клубѣ. На все это приданое жены и получаемое по службѣ жалованье составляли фондъ далеко недостаточный. За всѣмъ тѣмъ, уже съ 1835—1836 года, Политковскій началъ вести роскошную жизнь. Пышность этой жизни и обстановки съ каждымъ годомъ увеличивалась и наконецъ въ 1840-хъ годахъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ.

Политковскіе занимали большую квартиру въ три этажа на площади Большого театра, въ домѣ Батюшкова. Покои были меблированы очень богато, хотя и въ ущербъ хорошаго вкуса. Не смотря на умъ и умѣніе жить Александра Гавриловича, онъ не

избѣгнулъ смѣшной стороны въ обстановкѣ своего жилья, выказывающей непривычку къ разумной роскоши, свойственную всѣмъ внезапно разбогатѣвшимъ. Рядъ гостинныхъ, блестящихъ встаті и не встаті золотомъ, загроможденныхъ по стѣнамъ, горкамъ и этажеркамъ дорогими вещами, представлялъ нѣчто въ родѣ магазина рѣдкостей.

Жизнь Политковскихъ была непрерывнымъ праздникомъ. У нихъ не было пріемнаго дня; всѣ 365 дней въ году были пріемные. За обѣдомъ, а вечеромъ за чаемъ и ужиномъ, чередовались десятки гостей, а въ ихъ числѣ личности высшаго общества, государственные и придворные сановники. Эти обѣды и ужины были мастерскія произведенія самой утонченной французской кухни.

Въ 1840-хъ годахъ уже Александръ Гавриловичъ пріобрѣлъ названіе Политковскаго-Монте-Кристо, которое очень льстило его самолюбію. Для оправданія и этого названія, и нашего вступленія къ настоящей статьѣ, расскажемъ здѣсь нѣкоторыя подробности изъ жизни его въ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ.

Во всѣхъ театрахъ абонированы имъ были литерныя логи. Въ Большомъ театрѣ, на представленія итальянской оперы, это была ложа напротивъ малой царской. Политковский, недовольный казенной обстановкой, поручилъ извѣстному Туру убрать ее съ возможною роскошью: она была вся въ зеркалахъ, бронзахъ и бархатѣ. Въ задней комнатѣ стоялъ столъ съ серебряннымъ самоваромъ, всевозможными закусками и бутылками шампанскаго во льду. Кромѣ семейства хозяина было всегда нѣсколько приглашенныхъ гостей. Всѣ бывшіе въ театрѣ знакомые обыкновенно въ антрактахъ чередовались въ ложѣ, прохлаждались чѣмъ кому было угодно и получали приглашеніе къ ужину послѣ спектакля. Въ дни оперы было приказано повару имѣть готовый ужинъ на 40 кувертовъ. Но вечерамъ у Политковскихъ большой игры не было; гости играли довольно скромный вистъ и преферансъ.

Въ 1847 или 1848 году Политковский нанялъ на лѣто большую дачу Олсуфьева, на самой оконечности Старой деревни, при устьѣ одного изъ рукавовъ Невы. Я съ семействомъ жилъ въ Новой деревнѣ. Въ этой вилледжіатурѣ Александръ Гавриловичъ зажилъ болѣе пышно, чѣмъ когда нибудь. Тамъ множество гостей, па конюшнѣ 12 лошадей, всевозможные экипажи. Довольно сказать, что нарочный пароходъ привозилъ ему два раза въ недѣлю

цвѣты для комнатъ изъ Петергофа. Разъ въ какія-то именины Политковскій далъ большой праздникъ на рѣѣ, которая отдѣляетъ Старую деревню отъ Новой. Были два парохода, освѣщенные а гіогго. На одномъ приглашенные гости, пѣвицы и пѣвцы итальянской труппы, оркестръ и великолѣпный буфетъ. На другомъ хоръ цыганъ изъ заведенія Излера и буфетъ для нихъ. Мы проплыли всю малую Невку и обратно при очередующихся серенадахъ итальянской и цыганской. По возвращеніи на дачу всѣ пассажиры перваго парохода были приглашены на Лукулловскій ужинъ.

Въ одинъ день новаго года, кажется 1851, былъ у Политковскихъ большой балъ: за ужиномъ слишкомъ 150 гостей; кромѣ всевозможныхъ деликатесовъ, каждый получилъ за десертомъ по тарелочкѣ свѣжей земляники.

Для полноты пику не доставало Александру Гавриловичу имѣть извѣстную Петербургу пріятельницу-кокотку. Онъ и ея обзавелся въ 1840-хъ годахъ. Это была извѣстная актриса французскаго театра, m-lle Ф...конъ. Она была очень дорога, что именно и требовалось. Впослѣдствіи Ф. вышла за мужъ за одного русскаго аристократа, нынѣ покойнаго, Н—на.

Многіе удивлялись, что проживая громадныя суммы на пространствахъ, заключавшемся всего въ триангулъ между Большимъ театромъ, Англійскимъ клубомъ и Старою деревнею, Политковскому не захотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ. Но были обстоятельства, не позволявшія ему оставить Петербургъ даже на короткое время. Тайна эта выяснилась впослѣдствіи.

Всѣ вообще, кому извѣстны были весьма ограниченныя средства Политковскаго, не могли не удивляться его образу жизни; не удивлялись только тѣ, кому по праву и должности надлежало обратить вниманіе на это загадочное явленіе. Положимъ, что членамъ комитета инвалидовъ, болѣею частью престарѣлымъ генераламъ, Политковскій умѣлъ внушить такое полное къ нему довѣріе, что никто изъ нихъ не имѣлъ и тѣни подозрѣнія въ его честности; но какъ понять, что вѣдомство высшей полиціи, которое по своей спеціальности должно было имѣть болѣе проницательности, оставалось безучастнымъ зрителемъ скандальной расточительности человѣка, неимѣющаго никакого состоянія? Это

тѣмъ болѣе должно было обратить вниманіе, что, какъ всѣмъ было извѣстно, денежные дѣла инвалиднаго комитета изъяты были изъ круга дѣйствія государственнаго контроля, и повѣрка правильнаго хода этихъ дѣлъ лежала исключительно на обязанности самихъ же членовъ комитета, неограниченно довѣрившихъ директору его канцеляріи ¹⁾.

Близкимъ знакомымъ, а быть можетъ и официально заинтересованнымъ лицамъ, Политковскій рассказывалъ, по секрету, что назадъ тому болѣе 10 лѣтъ онъ выигралъ въ карты слишкомъ миллионъ рублей у сына извѣстнаго миллионера Яковлева, и что должникъ его, не имѣя еще въ рукахъ будущаго огромнаго состоянія, платитъ ему по 10 процентовъ, что и составляло годового дохода болѣе 100,000 р. с.

Въ исходѣ 1852 или въ началѣ 1853 года Политковскій тяжело заболѣлъ и въ февралѣ сего послѣдняго года умеръ. Когда покойникъ, одѣтый въ мундиръ, со всѣми регаліями ²⁾, лежалъ въ своей квартирѣ въ ожиданіи погребенія, на слѣдующій день явился ко вдовѣ присланный отъ государя императора генералъ-адъютантъ Катенинъ. Онъ велѣлъ снять съ умершаго мундиръ и ордена и объявилъ высочайшую волю, чтобы церковный обрядъ похоронъ совершенъ былъ сколько возможно скромнѣе.

Не зная объ этомъ, я, по пригласительному билету, пріѣхалъ въ церковь св. Николая Морского, гдѣ, по кругу знакомства покойнаго, думалъ найти церковь полную. Поэтому меня очень удивило, что она была пуста. Никого изъ членовъ комитета инвалидовъ, никого изъ сановитыхъ знакомыхъ Политковскаго! Были только вдова и братья его. Гробъ самый простой, чернѣйшій, въ немъ покойникъ въ черномъ фракѣ безъ орденовъ. Догадываясь, что это значитъ, я изъ церкви пошелъ прямо въ должность, въ статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, гдѣ министръ рассказывалъ мнѣ о распоряженіи ген. Катенина.

¹⁾ См. рассказъ кн. Н. С. Голицына объ А. Г. Политковскомъ и его „дѣлѣ“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 125—128, и замѣтку по сему же предмету М. Л. Дубельта, тамъ же, стр. 452—453. См. также въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 776, рассказъ П. С. Лебедева о хищничествѣ Политковскаго. Ред.

²⁾ Онъ имѣлъ ордена св. Анны 1 ст. и св. Станислава 1 степени, св. Владимира 3 ст. и пряжку за XXX лѣтъ безпорочной (sic) службы.

Вскорѣ объяснилось все; въ городѣ всѣ узнали, что начальникъ счетнаго отдѣленія комитета инвалидовъ, Таракановъ, считая Александра Гавриловича умершимъ или умирающимъ, явился къ предсѣдателю комитета, генералу Ушакову, и объявилъ, что покойнымъ директоромъ канцеляріи разновременно, начиная съ 1835 по 1853 годъ, похищено изъ инвалиднаго капитала 1.120,000 руб. сер. Деньги выдавались съ вѣдома его, Тараканова, и его предмѣстника, Васильева, казначеемъ Рыбкнымъ, подъ росписки Политковскаго, увѣрявшаго ихъ, что деньги будутъ имъ возвращены, когда сыномъ извѣстнаго капиталиста Яковлева, должнымъ ему, Политковскому, болѣе милліона руб., долгъ этотъ будетъ уплаченъ.

Послѣдствія этого заявленія и мѣры, принятыя правительствомъ для пополненія расхищеннаго капитала изъ имуществъ Политковскаго, его жены и дочери, а также чиновниковъ комитета инвалидовъ, участвовавшихъ въ преступленіи и ихъ женъ, описаны подробно въ упомянутомъ сочиненіи Любавскаго и потому здѣсь ихъ не повѣряемъ. Скажемъ только, что капиталистъ Яковлевъ, какъ по слѣдствію оказалось, не состоялъ ничего должнымъ Политковскому; сказка о мнимомъ милліонѣ была выдумана послѣднимъ какъ для успокоенія чиновниковъ, позволявшихъ ему черпать изъ инвалидной кассы, такъ и для оправданія предъ знакомыми безумной роскоши его образа жизни.

По такомъ исходѣ карьеры Политковскаго, промчавшейся какъ комета на петербургскомъ горизонтѣ, стало понятнымъ, почему онъ ни разу не сѣздилъ за границу. Ему нельзя было отлучиться изъ столицы даже на короткое время. Но что не понятно, такъ это невозмутимое спокойствіе и постоянная веселость, которыя никогда ему не измѣняли. Самый даже серьезный разговоръ онъ оживлялъ остроумными шутками. Но въ душѣ нося такой тяжкій грѣхъ, онъ не могъ не сознавать страшной опасности, угрожающей ему ежеминутно, а между тѣмъ никто не видѣлъ его задумчивымъ или озабоченнымъ. Однакожъ, за нѣсколько времени до его послѣдней болѣзни, явились симптомы, долженствовавшіе сильно тревожить его. Особенно грознымъ было внимательство государственнаго контроля въ отчеты по комитету. Это вѣроятно и причинило эту болѣзнь; сама она имѣла загадочный характеръ и вотъ что усилило мои на этотъ счетъ подозрѣнія. Разъ, навѣстивъ больного и видя, что онъ не поправляется, я спросилъ его жену

призывали ли они доктора Мяновскаго, который въ то время былъ въ большой славѣ. Когда мнѣ отвѣчали отрицательно, то я изъяснилъ удивленіе, тѣмъ болѣе, что никто изъ лечившихъ его врачей не могъ съ точностью опредѣлить рода болѣзни. Мяновскій же, бывшій докторомъ статсъ-секретаріата Царства Польскаго, жилъ въ домѣ этого министерства, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ квартиры больного. Тогда сама Политковская попросила меня прислать Мяновскаго. Я засталъ его у министра и онъ, по моей просьбѣ, отправился къ Политковскимъ. Я дождался его возвращенія и онъ откровенно признался, что ничего не понимаетъ въ положеніи больного. Онъ замѣтилъ такіе симптомы, которые рѣшительно противорѣчатъ соображеніямъ и выводамъ науки. Тогда я сказалъ, что отецъ Политковскаго страдалъ падучею болѣзнію и отъ нея умеръ; самъ больной и его дочь подвержены такъ называемому тикку, то есть атаксическому дерганію мускуловъ лица, — такъ не такое ли наслѣдственное предрасположеніе къ эпилепсін вліяетъ на признаки настоящей болѣзни? Мяновскій, подумавши, сказалъ: „нѣтъ, это не то, а что-нибудь другое, чего я разгадать не могу“. Когда же Политковскій умеръ, то Мяновскій сказалъ „теперь все объясняется; онъ, предвидя катастрофу, въ послѣднее время болѣзни вѣроятно отравлялъ себя дигиталиномъ, на что нѣкоторымъ образомъ указывалъ аномальный пульсъ; но не зная его личныхъ обстоятельствъ, нельзя было подозрѣвать отравленія“.

Эпизодъ Политковскаго составляетъ очень интересный предметъ для психологическихъ студій. Преступная дѣятельность его мало имѣетъ общаго съ такъ въ наше время участвовавшими растратами или кражами кассировъ при банкахъ и акціонерныхъ компаніяхъ. Здѣсь важная разница въ томъ, что послѣдніе сами завѣдываютъ деньгами, совершаютъ преступленіе самолично, не нуждаются въ сообщникахъ. Политковскій же имѣлъ необходимость въ нихъ и заинтересовавъ отчасти въ своихъ постыдныхъ операціяхъ нѣсколько человѣкъ чиновниковъ, вовлекъ ихъ въ преступленіе, чѣмъ вина его значительно увеличивается. Къ числу такихъ же отягчающихъ виновность обстоятельствъ нельзя не отнести сущности и назначенія фонда, такъ безсовѣстно разграбленнаго.

Другое различіе отъ обыкновенныхъ кражъ изъ банковъ, поч-

товыхъ конторъ и т. п. состоитъ въ томъ, что онѣ почти всегда дѣлаются въ одинъ разъ и сопровождаются бѣгствомъ виновныхъ, Политковскій же, если основываться на показаніяхъ казначея Рыбкина, повторялъ свои захваты шесть разъ въ теченіе 18 лѣтъ.

Слѣдуя за постепенными фазисами самаго факта, встрѣчаемъ многознаменательную для психологическаго анализа данную. По словамъ того-жъ Рыбкина, взятыя въ первые три года (1834—1836) заимообразно суммы директоръ канцеляріи возвращалъ, хотя и далеко не вполнѣ. Не смотря на такую неполноту, все-таки это доказываетъ, что въ то время Политковскій оставался, по крайней мѣрѣ хотѣлъ остаться, честнымъ. Только съ 1837 года сталъ онъ забирать деньги безъ счета и безъ всякой заботы объ уплатѣ. Тутъ мы присутствуемъ при постепенномъ процессѣ развитія преступнаго, какъ-бы болѣзненнаго, состоянія души. Видимъ ясно рововую логику зла, съ которою оно неумолимо увлекаетъ въ бездну всякаго, кто сдѣлалъ хотя бы одинъ шагъ въ его области. Область сія—это скользкая наклонная плоскость, ступивши на которую удержаться дѣлается уже невозможнымъ.

Назначенная императоромъ Николаемъ Павловичемъ по смерти Политковскаго комиссія для розысканій по расхищенію инвалиднаго капитала исчислила дефицитъ въ 1,120,000 руб. По мнѣнію экспертовъ по подобнымъ дѣламъ, съ которыми мнѣ объ этомъ случалось говорить, количество денегъ, захваченныхъ Политковскимъ, должно было быть значительно больше этой цифры. Они основываютъ это убѣжденіе какъ на томъ, что комитетъ инвалидовъ, или лучше сказать подъ его ширмою — директоръ канцеляріи, ревизовалъ и учитывалъ самъ себя, что показаніе Рыбкина не заслуживаетъ довѣрія, главнѣйше потому, что показанный имъ итогъ суммъ, похищенныхъ изъ его же рукъ и который долженъ былъ быть ему извѣстнымъ до одной копѣйки, гораздо менѣе дефицита, который открытъ комиссіею. И наконецъ могли быть суммы, слѣдовавшія комитету, исчезнувшія безслѣдно. Таковы, напримѣръ, присылаемые по почтѣ, нерѣдко значительныя суммы, жертвуемыя на инвалидовъ богатыми купцами и другими капиталистами. Онѣ могли быть получаемы съ почты и вручаемы Политковскому его агентами безъ записки въ приходъ, такъ какъ жертвователи, получившіе квитанцію и благодарность, не могли даже подумать справиться о томъ, упо-

треблены ли ихъ пожертвованія по назначенію. Эти фальши легко могли бытъ и совершаемы, и скрываемы при существовавшихъ въ то время въ комитетѣ порядкахъ, когда при свидѣтельствѣ суммъ давалась полная вѣра представляемымъ Политковскимъ вѣдомостямъ безъ провѣрки ихъ съ книгами и документами. Для раскрытія же такихъ похищеній изъ непредвидимыхъ случайныхъ источниковъ не могло быть другого способа, какъ сличеніе книгъ петербургскаго почтамта для записки приходящихъ почтъ за 18 лѣтъ съ приходорасходными книгами комитета за тотъ же періодъ. Слѣдственною комисіею не было принято этой мѣры и потому остается свободное поле къ предположенію, что многое изъ доходовъ этой категоріи могло быть присвоено безслѣдно директоромъ канцеляріи и его пособниками.

Если по всему вѣроятію допустить, что смерть Политковскаго послѣдовала отъ добровольнаго отравленія, то это объясняетъ то веселое расположеніе и спокойствіе, которое онъ постоянно оказывалъ. Можно полагать, что сказавъ себѣ, какъ Людовикъ XV, „après moi le déluge“, онъ рѣшился продолжать жуировать пока это будетъ возможно, а потомъ покончить съ собою. И это, какъ и всякое предвидѣніе неизбежнаго исхода, успокоивало его. Въ криминалистской статистикѣ есть не мало подобныхъ примѣровъ.

Къ обстоятельному разсказу покойнаго О. А. Пржецлавскаго о преславутомъ Александрѣ Гавриловичѣ Политковскомъ присоединяемъ здѣсь нѣсколько замѣтокъ А. Θ. Г., имѣвшаго случай близко его знать и весьма обязательно ими подѣлившася съ нами:

„Политковскій былъ въ высшей степени любезною, даже обворожительною личностью: уменъ, остеръ, всегда веселъ, любезенъ со всѣми своими многочисленными гостями, да притомъ такъ, что почти каждый изъ насъ, молодыхъ людей, видѣлъ къ себѣ большее вниманіе съ его стороны, нежели какой-нибудь его сановитый благопріятель. Военный министръ, кн. А. И. Чернышевъ, лицо весьма сильное въ свое время, былъ не рѣдкимъ сотрапезникомъ у А. Г. Политковскаго; генер.-губ. Спб. Катенинъ, Л. В. Дубельтъ,—словомъ, вся тогдашняя власть и сила перебивали на лукулловскихъ пирахъ Политковскаго. Только послѣ его смерти вскрылись всѣ подробности тѣхъ ловкихъ приемовъ, которыми обошелъ этотъ человѣкъ и своихъ подчиненныхъ, и крайне пріяз-

ненную къ нему власть. Такъ напр., когда умеръ казначей въ его канцеляріи, Политковскій сыскалъ ему преемника въ лицѣ каковаго-то бѣдняка маленькаго чиновника, удрученнаго громадною семьею и лютою нуждою. Благодатью небесною явилось этому бѣдняку предложенное Политковскимъ мѣсто казначея въ канцеляріи управляемаго имъ комитета. Но когда этотъ чиновникъ, Рыбкинъ, вступилъ въ нее, благодѣтель поспѣшилъ спросить у него на день-другой 3,000 руб. казенныхъ денегъ: Рыбкинъ не посмѣлъ отказать. Деньги были возвращены въ срокъ. Вскорѣ Политковскій спрашиваетъ и беретъ 6,000 руб., но уже, вмѣсто возврата ихъ, грозно спрашиваетъ Рыбкина: знаетъ-ли онъ законы, опредѣляющіе обязанности казначеевъ? Тотъ, оказывается, знаетъ, что за растрату или выдачу казенныхъ денегъ по своему произволу неподлежащему лицу грозитъ ссылка въ Сибирь.— „Ну такъ знай же, говоритъ благодѣтель, что ты уже растратилъ 6,000 руб., и тебѣ предстоитъ выбирать любое: или потеря мѣста и ссылка, или слушаться меня и помогать мнѣ и на будущее время“. Въ такомъ родѣ, какъ ловкій паукъ, втянулъ онъ въ свою паутину подчиненнаго ему бѣдняка.

Еще ловче обойденъ имъ военный министръ, кн. А. И. Чернышевъ. Услыхавъ, что о немъ, Политковскомъ, бродятъ недобрыя вѣсти, что самъ императоръ Николай Павловичъ обращаетъ вниманіе своихъ приближенныхъ на его расточительность—Политковскій пишетъ безъимянный самъ на себя доносъ Чернышеву на непорядки въ сундукахъ его комитета, учрежденнаго въ помощь инвалидамъ 18-го августа 1814 г., и проситъ произвести внезапную ревизію. Чернышевъ немедля назначаетъ ее, но сундуки приведены въ порядокъ, такъ какъ Политковскій перехватилъ денегъ у друга своего, Яковлева, на время внезапной ревизіи. Все найдено въ порядкѣ и обиженный Политковскій ѣдетъ съ просьбой объ отставкѣ къ Чернышеву. Тотъ вынужденъ разсыпаться въ извиненіяхъ предъ своимъ пріателемъ, сознается, что нарядомъ внезапной ревизіи тяжело того огорчилъ, но что если онъ ее сдѣлалъ, то только чтобы имѣть оружіе противъ многочисленныхъ враговъ и завистниковъ Александра Гавриловича, такъ какъ онъ, Чернышевъ, зналъ, что ревизія найдетъ все въ блистательномъ порядкѣ. Чернышевъ упрощиваетъ Политковскаго

взять отставку назадъ и испрашиваетъ для него монаршую награду, орденъ св. Анны 1-й степени.

Гораздо уже легче было надуть старцовъ, членовъ комитета. Одинъ изъ маневровъ, для сего употреблявшихся, былъ слѣдующій: когда престарѣлые войны-генералы въ извѣстное время рылись въ сундуки и пересчитывали пачки, Политковскій преподносилъ имъ весьма смѣло тучки связанныхъ поперечною бандеролью билетовъ банка. На наружныхъ сторонахъ этихъ билетовъ, какъ извѣстно, значились №№ и стоимость той общей суммы, которая впервые выдана была подъ нихъ банкомъ, это и видѣли старцы-генералы при сличеніи билетовъ съ вѣдомостью. но никому въ голову не приходило посмотрѣть на обратную сторону, на которой отмѣчены были обратныя выдачи вкладчику значительныхъ суммъ.

Все, что рассказываетъ О. А. Пржецлавскій о богатой жизни, пріемахъ и пирахъ Политковскаго, въ высшей степени вѣрно. За годъ до своей гибели, Александръ Гавриловичъ выдалъ свою единственную дочь замужъ за г. З. Чтобы судить о богатствѣ обстановки молодой четы, довольно сказать, что будуаръ и спальня г-жи З. въ домѣ, подаренномъ ей, на бывшей Большой Мѣщанской улицѣ, г. Яковлевымъ—стоили 50,000 руб. Всѣ стѣны спальни были выстеганы дорогимъ розовымъ муаре, съ дорогими простежками, и т. д. въ этомъ же родѣ.

Любопытный фактъ. Политковскій былъ человѣкъ въ высшей степени добрый; всѣмъ многочисленнымъ просителямъ и просительницамъ у него онъ оказывалъ всевозможную помощь и услуги; вотъ ужъ подлинно ни одна вдовица не уходила отъ него, не обсушивъ своихъ слезъ. Если и доводилось ему кому-либо отказывать въ чемъ, то это онъ дѣлалъ въ такой обворожительно мягкой формѣ, что тотъ или та уходили чуть не удовлетворенные!

Покойный Пржецлавскій ошибается, утверждая, что гроза надъ Политковскимъ началась со стороны госуд. контроля. Въ то время этотъ контроль такъ былъ мудро устроенъ, что ничего ни открыть, ни вчинить не могъ. Началось съ того, что императоръ Николай Павловичъ, читая годовой отчетъ комитета 14-го августа 1814 г., напелъ недостаточно ясными объясненія объ одной суммѣ въ 18,000 руб. и сдѣлалъ на поляхъ замѣтку: потребовать объясненія.

Запросъ пришелъ въ I-е отд. къ покойному Танѣеву въ 4 часа, а въ 8 часовъ того же дня Политковскій получилъ его, сидя въ своей богатѣйшей ложѣ въ итальянской оперѣ. Онъ сильно встревожился. Бросился къ другу своему Брискорну, бывшему, кажется, въ то время генер.-аудиторомъ. Объясненіе было состряпано, сообщено по командѣ и оно удовлетворило государя; но Политковскій, не зная еще этого благополучнаго исхода, въ страшной душевной тревогѣ принялъ ядъ. При слѣдствіи его камердинеръ, Василій Арѣфьевъ, показалъ, что пузырекъ съ какою-то жидкостью баринъ его ежедневно носилъ при себѣ 15 лѣтъ. Предполагаютъ, что ядъ въ столь долгій срокъ повыдохся, ослабъ и вотъ почему не поразилъ Политковского разомъ, а онъ проболѣлъ, сколько помню, недѣли двѣ. Казнь его нашла уже въ гробу, когда одинъ изъ его нерѣдкихъ и почетныхъ гостей ген.-адъют. Катенинъ, по высочайшему повелѣнію, снялъ съ его трупъ ордена.

Особенность суда надъ нимъ состояла, между прочимъ, въ томъ, что у совершенно певинныхъ и ничего не вѣдавшихъ дочерей и вдовъ Политковского отнято было все недвижимое и движимое имущество на покрытие расхищеннаго. Покрывать однако это похищенное и даже исчислить размѣръ онаго было невозможно! Дѣло въ томъ, что по тогдашнимъ порядкамъ каждое изъ безчисленныхъ на Руси учреждений, дѣлавшее вычеты при выдачѣ различныхъ пенсій и пособій, — вычеты въ пользу инвалиднаго капитала, высылали таковыя прямо въ комитетъ 14-го августа 1814 года, а не въ государственное казначейство, какъ то дѣлается теперь. Политковскому не стоило никакого труда топить массу изъ этихъ поступленій, не показывая ихъ на приходъ, въ своихъ бездонныхъ карманахъ. Убитыя горемъ вдова и дочь казнокрада, ни въ чемъ неповинныя, владѣли потомъ жизнь въ страшной нуждѣ и дочь еще недавно умерла въ какой-то мансардѣ, близъ Таврическаго сада, послѣ мучительной болѣзни. Покойный Государь Александръ Николаевичъ, по милосердію своему, нѣсколько разъ жаловалъ ей единовременныя пособія, а затѣмъ назначилъ и пенсію“.

Обращаемся къ продолженію воспоминаній О. А. Пржецлавскаго.

XII.

Александръ Крысинскій.

Въ 1840-хъ годахъ сдѣлался очень извѣстнымъ въ Петербургѣ одинъ изъ Варшавскихъ франкистовъ, Александръ Крысинскій ¹⁾. Во время польскаго мятежа 1831 года онъ состоялъ адъютантомъ при главнокомандовавшемъ мятежническою арміею, генералѣ Скржинецкомъ, и, забравъ его бумаги съ планами кампаній, перешелъ къ русскимъ. Онъ принятъ былъ на службу и опредѣленъ чиновникомъ для особыхъ порученій при ярославскомъ военномъ губернаторѣ и въ тамошней же губерніи женился на дѣвицѣ изъ хорошаго дома. Не поладивъ съ своимъ начальникомъ, онъ былъ переведенъ въ Петербургъ такимъ же чиновникомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Перовскомъ.

Крысинскій былъ человѣкъ свѣтски образованный, умный, если (чего я не допускаю) истинный умъ можетъ существовать отдѣльно отъ правоты и строгой честности. Этихъ-то качествъ Крысинскому не доставало. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ то, что у простого народа въ Петербургѣ называется мазурикъ, а въ Москвѣ—жуликъ, у французовъ же Robert Macaire. Это однакожъ не мѣшало ему играть роль и вращаться въ лучшемъ обществѣ. Но для того и другого нужны деньги, онъ же не имѣлъ никакого состоянія. Не смотря на то, Крысинскій жилъ пышно, задавалъ обѣды и вечера, имѣлъ прекрасную квартиру въ Большой Морской, меблированную роскошно; велъ большую, хотя и далеко не чистую игру. Обладая въ высшей степени искусствомъ пускать пыль въ глаза, направо и налѣво занимая деньги, онъ составилъ себѣ почти неограниченный кредитъ, поддерживая его великолѣпною обстановкою, чрезвычайнымъ апломбомъ, высокомѣрными манерами и связями своими въ высшемъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, у извѣстнаго Іохима онъ заказалъ за 4,000 руб. два экипажа со всевозможными удобствами и прихотями; каретникъ не потребовалъ даже задатка и, исполнивъ заказъ, доставилъ экипажи на квартиру заказчика для испытанія.

¹⁾ О франкистахъ смотри выше статью о Перовскомъ, главу VI.

Наконецъ, рассчитавъ, что имѣетъ уже достаточно чужихъ денегъ, и запасшись эффектными фразами, Крысинскій разыгралъ слѣдующую сцену. Вбѣжалъ безъ доклада къ своему министру, графу Перовскому, съ разстроеннымъ видомъ и признаками отчаянія.—Что съ вами? спросилъ графъ.—„Что? отвѣчалъ велико-свѣтскій мазурикъ, о, добрыйшій начальникъ, вы меня поймете! Я сейчасъ получилъ извѣстіе, что мать моя въ Дрезденѣ при смерти. Я хотѣлъ-бы птицей полетѣть, чтобы получить послѣднее ея благословеніе, а тутъ, когда для меня дорога и минута, несчастныя формальности публикацій задержать меня по крайней мѣрѣ недѣлю, тогда какъ къ моему отъѣзду не можетъ быть никакихъ препятствій“. Перовскій, разчувствовавшись, поспѣшилъ подписать паспортъ. Крысинскому того только и было нужно, чтобы никто не зналъ объ его отъѣздѣ. Онъ благополучно уѣхалъ въ ту же ночь и именно въ тѣхъ экипажахъ, которые такъ наввно Іохимъ предоставилъ ему на пробу.

Узнавъ о томъ, кредиторы бросились къ его квартирѣ, думая получить хоть что-нибудь отъ распродажи предметовъ богатой обстановки. Но увы, оказалось, что вся мебель была взята у Тура на прокатъ, и изъ всего собственностью должника оказался только деревянный сундукъ, а въ немъ оставленный, какъ бы въ насмѣшку надъ бывшею службою, старый мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ кредиторовъ былъ начальникъ III отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Крысинскій былъ съ нимъ друженъ, на ты, они себя другъ друга называли уменьшительными именами, и вотъ Саша занялъ у Лёвоши и увезъ съ собою, какъ слышно было, 20,000 руб. сер. За долги Крысинскаго, по справедливости, долженъ бы былъ отвѣчать министръ, нарушившій правила о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, не удостовѣрившись даже есть ли у его подчиненнаго больная или здоровая мать. Но требовать такого удовлетворенія отъ одного изъ министровъ было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, немислимо.

Кредиторы уполномочили какого-то дѣльца къ преслѣдованію бѣглаго заграницей. Дѣлецъ настигъ его въ Франкфуртѣ и получилъ отъ мѣстной власти приказъ полиціи арестовать должника. Но Крысинскій и тутъ успѣлъ убѣжать, оставивъ на удовлетво-

реніе кредиторомъ жену съ 50 червонцами. Деньги эти уполномоченнымъ были ей подарены для возвращенія на родину.

Изъ Франкфурта Крысинскій отправился въ извѣстный большою игрою Гомбургъ. Тамъ онъ довольно счастливо игралъ въ Rouge et noir, но, главное, обыгралъ на большую сумму извѣстную русскую даму, милліонерку графиню К., страстную игрицу. Этимъ значительно увеличился фондъ, увезенный изъ Петербурга, который кредиторы его считали въ 125—150,000 р. с. Такимъ образомъ Крысинскій сталъ богатымъ человѣкомъ. По пути въ Парижъ, на какихъ-то водахъ, онъ познакомился съ извѣстнымъ графомъ де Морни, лицомъ очень вліятельнымъ во вторую имперію. Послѣдній напелся нуждающимся въ деньгахъ и нашъ герой приобрѣлъ его дружбу, ссудивъ его порядочнымъ кушемъ. Такъ онъ прибылъ въ Парижъ, подъ сильнымъ покровительствомъ наполеоновскаго временщика. Въ Парижѣ Крысинскій купилъ прекрасный домъ въ улицѣ де ла Пепиньеръ и еще какое-то помѣстье съ замкомъ (château) и зажилъ польскимъ аристократомъ, подъ именемъ графа де Лелива, на которое промѣнялъ свою франкистскую фамилію ¹⁾. Онъ выдавалъ себя за политическаго эмигранта, гонимаго россійскимъ правительствомъ и легкомысленные парижане повѣрили бы этой фантастической сказкѣ, еслибы истинные эмигранты, знавшіе все прошедшее Крысинскаго, не противудѣйствовали этой версіи.

Ему очень хотѣлось быть принятымъ въ члены клуба, извѣстнаго подъ названіемъ императорскаго кружка (Cercle impérial), составленнаго изъ самой знати. Но принцъ Наполеонъ, (прозванный Plon-plon), былъ тамъ самымъ вліятельнымъ изъ директоровъ. Принцъ же, какъ извѣстно, былъ окруженъ поляками, которые сообщили ему о Крысинскомъ всѣ нужныя данныя. И потому, хотя графъ де-Морни предлагалъ его нѣсколько разъ, но канди-

¹⁾ Въ прежней Польшѣ крестившійся еврей приобреталъ ipso facto дворянское достоинство, и вошло въ обычай, что крестный отецъ давалъ неофиту свой гербъ, а иногда и фамилію. Таково начало дворянства всѣхъ современныхъ франку франкистовъ. Крестный отецъ отца Александра Крысинскаго далъ крестнику свой древній гербъ Лелива. Нашъ герой прибавилъ къ нему аристократическій титулъ графа. Это былъ еще одинъ изъ его мазурипческихъ фокусовъ.

дать былъ всегда забаллотированъ. Наконецъ разъ, когда принцъ куда-то уѣхалъ, Морни воспользовался этимъ и успѣлъ ввести своего дорогого пупилла въ императорскій кружокъ. Послѣдній думалъ сдѣлать тамъ игрою прекрасный гешефтъ, но эта надежда его обманула. Репутація его была уже въ кружкѣ сдѣлана и ему было очень трудно найти тамъ для себя партію.

Въ числѣ сдѣланныхъ въ Петербургѣ долговъ на вѣчный неплатежъ, Крысинскій занялъ у небогатыхъ гг. Піотровскихъ 4,000 р. с. Дочь ихъ, молодая Адель, была серьезно больна и доктора, сперва петербургскіе, а затѣмъ и берлинскіе, послали ее въ Вильдбадъ съ тѣмъ, чтобы оттуда, кончивъ курсъ купаній, она отправилась въ Парижъ и тамъ провела зиму. Это для нея былъ вопросъ жизни или смерти. Это рассказала мнѣ мать молодой дѣвицы въ Вильдбадѣ, гдѣ и я также лечился въ 1859 году. Она прибавила, что единственные средства для исполненія этого приговора науки составляетъ вексель г. Крысинскаго въ 4,000 р., по которому онъ не уплатилъ даже ни гроша процентовъ. Она твердо надѣялась, что въ виду такой крайности получить свою принадлежность отъ разбогатѣвшаго должника. Я пожелалъ ей успѣха, хотя, зная хорошо того, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, не раздѣлялъ ея увѣренности.

Изъ Вильдбада я поѣхалъ въ Парижъ, г-жа Піотровская была уже тамъ; мы встрѣтились въ тюльерійскомъ саду и она рассказала свое свиданіе съ должникомъ. Первые слова Крысинскаго были: „Посмотрите хорошенько, когда выдано заемное обязательство: увидите, что этому минуло уже десять лѣтъ. Слѣдовательно я вамъ не долженъ ничего“. Когда Піотровская описала свое положеніе съ больною дочерью, то онъ сказалъ: „если вы такъ нуждаетесь въ деньгахъ, то я могу кое-что для васъ сдѣлать: возьмите эти сто франковъ“. Тутъ подалъ ей банковый билетъ. Піотровская съ негодованіемъ отвергла эту милостыню и ушла. „Что мнѣ теперь остается дѣлать?“ спросила меня со слезами. „Не плачьте, сказалъ я, хотите держать пари, что Крысинскій заплатитъ все, и съ процентами за все время?“—Какъ же это?— „А вотъ какъ. Я напишу вамъ черновую письма, вы перепишите его и пошлите съ коммисіонеромъ“. Я написалъ, сколько могу припомнить, слѣдующее:

„М. г. Не думайте, чтобы я удовлетворилась вашимъ отвѣтомъ на мое требованіе. Я подамъ на васъ жалобу въ судъ: быть можетъ, что получу отказъ въ искѣ на основаніи земской давности, но судъ, а за нимъ и весь Парижъ, узнаетъ, какимъ благороднымъ средствомъ вы уплачиваете ваши долги. При томъ же мой адвокатъ расскажетъ подробно ваши похождения и представитъ официальное удостовѣреніе російскаго посольства въ томъ, что вы не графъ Лелива, а Александръ Крысинскій и не политическій эмигрантъ, а бѣглый чиновникъ російской службы, надѣлавшій долговъ въ Петербургѣ и уѣхавшій тайно, даже въ чужомъ экипажѣ. Согласитесь, что это доставитъ матеріалъ для интересной статьи въ газетахъ „Droit“ и „Gazette des tribunaux“, и тогда только, какъ это будетъ напечатано, я сочту себя расквитавшеюся съ вами. Примите и пр.“.

Піотровская послала такое письмо и должникъ не замедлилъ явиться въ ней въ тотъ же день. Жаль, что меня не было при этомъ свиданіи. Крысинскій выторговалъ, что она за свои уже не 4, а 8,000 р. приняла отъ него 4,000 франковъ и возвратила вексель.

Крысинскій, продолжая играть свою роль эмигранта-мальконтента, имѣлъ дерзость напечатать въ Парижѣ книгу объ императорѣ Николаѣ. Съ этой книгой у насъ, въ польскомъ министерствѣ въ Петербургѣ, случился слѣдующій казусъ.

Министръ статсъ-секретарь Туркулъ былъ съ обыкновеннымъ докладомъ у императора Николая. Выходя изъ царскаго кабинета, онъ встрѣтился съ государынею, которая, остановивъ его, спросила не имѣетъ-ли онъ сочиненія о Николаѣ Павловичѣ, написаннаго какимъ-то Крысинскимъ, и читалъ-ли его? Когда Туркулъ отвѣчалъ на оба вопроса утвердительно, то императрица приказала прислать ей это сочиненіе къ 7-ми часамъ вечера и дать его графинѣ Тизенгаузенъ для прочтенія въ слухъ. Только тогда министръ вспомнилъ, что прочиталъ не болѣе половины книги, нашелъ въ ней, что авторъ говоритъ о государѣ слишкомъ безцеремонно, ничего же болѣе нецензурнаго не было. Но оставалась цѣлая другая половина, а въ ней псевдо-эмигрантъ могъ позволить себѣ что-нибудь такое, что не годилось бы для чтенія императрицы. Подъ влияніемъ этого опасенія Туркулъ поспѣшилъ

въ свою канцелярію, собралъ насъ четыре человѣка, велѣлъ расписать книгу и роздалъ намъ для прочтенія по два или по три листа изъ второй половины книги, а самъ взялъ три. Было 2 часа пополудни, къ четыремъ все было прочитано и ожидавшійся переплетчикъ привелъ книгу въ прежній порядокъ. Хорошо, что такъ было сдѣлано, а то во второй половинѣ было мѣсто, гдѣ дерзкій авторъ предсказывалъ государю трагическую кончину. Страницы эти были вырѣзаны и въ назначенный часъ книга была отослана къ государынѣ. По этому случаю министръ сказалъ намъ мораль: „лгать всегда опасно, но опаснѣе всего говорить неправду царственнымъ особамъ“. О, еслибы всѣ приближенные къ монархамъ и во всѣхъ случаяхъ слѣдовали этой морали, то золотой вѣкъ на землѣ пересталъ бы быть мнѣомъ.

Все, что здѣсь сказано о Крысинскомъ, во многихъ отношеніяхъ поучительно и наводитъ на слѣдующія, неутѣшительныя, замѣчанія:

а) Тогда какъ честному человѣку и надежному плательщику иногда съ большимъ трудомъ приходится занять въ крайности какую-нибудь тысячу рублей, какой-нибудь наглый обманщикъ, не представляющій никакой ни матеріальной, ни моральной гарантіи, успѣваетъ сдѣлать сто тысячъ долгу.

б) Господа, „власть имѣющіе“, не рѣдко, увлекаясь одною наружностью, безъ надлежащихъ дознаній, приближаютъ къ себѣ ловкихъ и смѣлыхъ проходимцовъ, вполне имъ довѣряютъ, устраиваютъ для нихъ блестящія карьеры и узнаютъ всѣмъ извѣстную объ нихъ истину только тогда, когда фаворитъ окажется лично къ нимъ отъявленнымъ негодяемъ. А между тѣмъ честные и способные, но скромные труженики остаются десятки лѣтъ въ тѣни.

в) Если по несчастью такой зловредный шарлатанъ носить польскую фамилію, хотя, какъ Крысинскій, по своему происхожденію не имѣя ничего общаго съ польскою національностью, то въ мнѣніи русскаго общества, не знающаго о такой разности, всѣ содѣянные такимъ субъектомъ мерзости относятся на счетъ мнимаго его полонизма. Недобросовѣстнымъ же или неразумнымъ

шовинистамъ, усиливающимся всячески возстановить другъ противъ друга два славянскія племена, подданныя одного монарха, такіе случаи служатъ мотивами для нападокъ на поляковъ вообще. Эти господа какъ будто не понимаютъ зла, которое чрезъ то дѣлаютъ общимъ интересамъ общаго отечества.

О. А. Пржецлавскій.

2-го сентября 1878 г.
